

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

На государственную службу.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ годы прошлаго вѣка, между прочимъ, ознаменовались принятіемъ въ казну нѣсколькихъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ установился взглядъ, что выгоднѣе казнѣ самой хозяйничать, чѣмъ приплачивать ежегодно гарантію по акціямъ. Дѣло желѣзныхъ дорогъ въ казнѣ было дѣломъ для нея совершенно новымъ, а неподготовленность къ управленію такимъ дѣломъ чиновниковъ облегчила поступленіе на службу желѣзныхъ дорогъ лицамъ съ извѣстнымъ опытомъ. Мнѣ пришлось служить въ бывшемъ Главномъ обществѣ и на Козлово-Воронежско-Ростовской ж. д. больше десяти лѣтъ, почему я считалъ себя въ числѣ имѣющихъ большой шансъ на поступленіе въ государственный контроль по желѣзнодорожной части. Подавъ докладную записку государственному контролеру Д. М. Сольскому (теперь графу) и заручившись его любезнымъ обещаніемъ, я былъ увѣренъ въ близкомъ назначеніи. Но проходило время; текли недѣли, мѣсяцы, а никакого увѣдомленія не получалось. Протекціи же у меня не было. На десятомъ мѣсяцѣ тщетныхъ ожиданій случай свелъ меня съ извѣстнымъ тогда дѣятелемъ по разнымъ ученымъ, quasi ученымъ и благотворительнымъ обществамъ М. Н. Паруновымъ. Дѣло было такъ. Дворянская опека назначила его попечителемъ къ моему брату и мнѣ пришлось давать ему нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія. Очень симпатичный, не-

глупый, всѣхъ и все знающій, онъ произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе, такъ что я охотно принялъ его приглашеніе на воскресный пирогъ въ два часа дня. Жилъ онъ въ Кузнечномъ переулкѣ, близъ Владимирской. Въ назначенный часъ я прибылъ. Кромѣ обыкновеннаго швейцара, принимавшаго отъ съѣзжавшихся гостей верхнее платье, въ вестибюлѣ стоялъ особый швейцаръ въ какомъ-то опереточномъ костюмѣ и традиціонной трехуголкѣ и салютовалъ гостямъ булавой. Внизу, направо, особая дверь съ бронзовой доской, гласившей: «Канцелярія Пятигорскаго общества», состоявшаго подъ покровительствомъ врядъ ли не особы Государя. Налѣво другая дверь, бѣлая доска и надпись: «Г. Фирлей-Канарскій, секретарь Пятигорскаго общества».

Роскошная лѣстница, устланная ковромъ, сверху донизу убрана экзотическими растеніями; въ аванзалѣ хозяинъ встрѣчаетъ гостей. Одѣтъ онъ въ форменный вицъ-мундиръ какого-то вѣдомства. Шея и вся грудь съ обѣихъ сторонъ въ такой степени обильно усыпаны орденами и знаками различныхъ обществъ, что буквально не видно сукна. Невольное мое смущеніе, порожденное такимъ подавляющимъ количествомъ регалій, видимо, поправилось ихъ носителю. Радужно протянулъ онъ мнѣ руку.

— Спасибо, что не побрезгали моею скромной хатой,—сказалъ онъ.—Съ женой—незнакомы?

— Не имѣю чести.

— Пойдемте, я представлю. Нашъ секретарь,—мимоходомъ познакомилъ онъ меня съ какимъ-то необыкновенно юркимъ, накрахмаленнымъ господиномъ, тоже изукрашеннымъ орденами.

Пройдя двѣ-три комнаты, мы очутились въ голубой гостиной, гдѣ на диванѣ сидѣла очень полная, среднихъ лѣтъ, купеческой складки барыня, въ шелковомъ черномъ платьѣ. На груди ея красовались: знакъ Краснаго Креста, нѣсколько медалей на цвѣтныхъ ленточкахъ и какой-то необыкновеннаго вида жетонъ на голубомъ, плиссированномъ фонѣ.

— Вотъ моя жена. Позвольте васъ познакомить. Мой большой пріятель, г. Миллеръ!—отрекомендовалъ онъ меня.—Посидите съ дамами. Вы, молодой человѣкъ, вѣроятно, сумѣете съ ними поболтать, а я пойду принимать гостей.

— Очень рада познакомиться. Мнѣ мужъ говорилъ о васъ. А это все мои родственницы. Знакомить васъ отдѣльно съ каждой не буду, а познакомьтесь сами.

Пришлось сдѣлать общій поклонъ и усѣсться на указанное хозяйкой кресло.

Оглядѣвъ, насколько позволяло приличіе, моихъ будущихъ собесѣдницъ, я увидѣлъ, что онѣ почти такой же складки и возраста, какъ хозяйка дома; у каждой красовалось на груди большее или меньшее количество орденовъ-медалей. Общій разговоръ на тему,

повидимому, интересовавшую всѣхъ, именно, что Государь удостоилъ принять званіе почетнаго члена Пятигорскаго общества, и такой-то негоціантъ пожертвовалъ столько-то тысячъ, а другой столько-то, не успѣлъ еще изсякнуть, какъ хозяйка обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вы членъ нашего общества?

— Простите, какого именно?

— Да вотъ нашего, Пятигорскаго.

— Нѣтъ, не членъ. Да, простите мнѣ мое невѣдѣніе. Я не знаю, какія задачи преслѣдуетъ общество и какъ великъ взносъ.

— Наше общество никого не преслѣдуетъ. Напротивъ, оно помогаетъ военнымъ, которые больные, и ѣдутъ на Кавказъ лечиться.

«Котрые больные» — немного озадачило меня. Не подавъ, однако, виду изумленія, я продолжалъ:

— Прекрасная задача. Что же нужно сдѣлать, чтобы быть членомъ?

— А вотъ сейчасъ я это устрою.

На звонокъ ея предсталъ лакей.

— Попроси ко мнѣ сейчасъ же г. Фирлей-Канарскаго.

Этотъ, конечно, не замедлилъ явиться.

— Приготовьте дипломъ члена-корреспондента Георгію Петровичу Миллеру. Это намъ очень полезный человѣкъ, — отдала она приказаніе покорно склонившему голову Канарскому. — Вотъ и все. Взноса не надо, потому что корреспонденты не платятъ. А вы условьтесь съ мужемъ, онъ вамъ расскажетъ.

Моему удивленію не было границъ. Я недоумѣвалъ, чѣмъ я могъ быть полезенъ обществу: ни связей, ни денегъ у меня не было.

Нечего и говорить, что подъ видомъ пирога гостямъ былъ сервированъ роскошный обѣдъ. Контингентъ гостей главнѣйшимъ образомъ изъ купечества. Всѣ были въ черныхъ сюртукахъ съ неизбѣжными значками благотворительныхъ обществъ или незначительныхъ орденовъ; въ лучшемъ случаѣ петлица была украшена орденской бутоньеркой. Послѣ обѣда гости-мужчины усѣлись въ стуколку, дамы, видимо, тяготѣвшія къ тому же занятію, ушли въ гостиную, гдѣ тоже впоследствии составилъ столікъ; меня же и еще одного господина, не купческаго типа и не игравшаго въ карты, хозяинъ повелъ въ кабинетъ и предложилъ намъ по хорошей сигарѣ.

— Позвольте, по-дружески, спросить васъ, — обратился онъ ко мнѣ: — чѣмъ вы занимаетесь?

— Въ данное время ничѣмъ. Вотъ уже десятый мѣсяцъ, какъ я хлопочу въ государственный контроль по желѣзнодорожной части, которую я хорошо знаю, но все какъ-то неудачно.

— Отъ кого это зависитъ?

— Главнымъ образомъ отъ генераль-контролера Анатолія Павловича Иващенко.

— Иващенко? Анатолія Павловича!—радостно переспросилъ Паруновъ. — Ну, тогда дѣло ваше въ шляпѣ. Я сейчасъ напишу ему карточку. Увидите, онъ моментально исполнитъ. Что же именно вы хотите?..

— Я вполне подготовленъ къ занятію должности контролера, т.-е. столоначальника.

— Ну, это пустяки, онъ, конечно, назначить.

Съ этою увѣренностью, снабженный карточкою М. Н. Парунова, я на другой же день предсталъ предъ Иващенковымъ.

— Я долженъ извиниться передъ вами,—встрѣтилъ онъ меня.— Но, повѣрьте, нѣтъ вакансій.

— Я, ваше превосходительство, къ вамъ сегодня съ порученіемъ. М. Н. Паруновъ просилъ меня передать вамъ его привѣтъ и вотъ эту карточку.

— А, Михаилъ Николаевичъ! Вы его знаете?

— Какъ же, ваше превосходительство, онъ опекунъ моего брата. Онъ сталъ читать надписи на карточкѣ.

— Михаилъ Николаевичъ такъ горячо васъ рекомендуетъ,—сказалъ Иващенко:—что я постараюсь поскорѣе устроить это дѣло. Да вотъ что,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Сегодня черезъ часъ у меня докладъ государственному контролеру. Зайдите ко мнѣ часовъ въ пять. Вѣроятно, будетъ что-нибудь хорошее для васъ.

Конечно, въ назначенное время я уже ждалъ его въ числѣ нѣсколькихъ другихъ, тоже, какъ и я, чаявшихъ движенія воды.

— Поздравляю васъ,—обратился ко мнѣ первому Иващенко.—Государственный контролеръ, во вниманіе къ вашей опытности и знаніямъ, назначилъ васъ контролеромъ въ контроль Харьковско-Николаевской ж. д., въ Кременчугѣ. Тамъ люди нужны. Прошу васъ выѣхать туда какъ можно скорѣе. Свидѣтельство и прогоны получите завтра въ канцеляріи. До свиданія. Кланяйтесь Михаилу Николаевичу и скажите ему, что я съ особеннымъ удовольствіемъ исполняю его желаніе.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство. Порученіе ваше исполню немедленно.

II.

Первые шаги.

Кременчугъ, куда я прибылъ, произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Расположенный на берегу Днѣпра, утопающій въ зелени фруктовыхъ садовъ, онъ походилъ скорѣе на большое село, чѣмъ на городъ. Три четверти населенія—евреи, въ рукахъ которыхъ и сосредоточена торговля.

Являюсь по начальству. Главный контролеръ Викторъ Николаевичъ Штрикъ, очень суровый на видъ, встрѣтилъ меня не особенно привѣтливо. Впослѣдствіи оказалось, что мой образовательный цензъ окончившаго курсъ въ Пажескомъ корпусѣ не внушалъ ему надеждъ на мою трудоспособность. Онъ полагалъ, что, попавъ на службу по протекціи, я буду злоупотреблять связями. Но связей у меня не было; къ работѣ я привыкъ на частной службѣ, гдѣ даромъ денегъ не платятъ.

Штрикъ поручилъ мнѣ фактическую ревизію станцій, т.-е. приходныхъ оборотовъ. Дѣло было организовано хорошо, особенныхъ трудностей не представляло и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я успѣшно кончилъ ревизію пятнадцати большихъ и двадцати маленькихъ станцій. Вхожу въ кабинетъ Штрика съ матеріаломъ для доклада. Но не успѣлъ я еще приступить къ дѣлу, какъ почтенный Викторъ Николаевичъ вскопчилъ съ кресла.

— Что это значить, милостивый государь,—закричалъ онъ.— Наконецъ-то вы явились. Это чортъ знаетъ, что такое! Такъ нельзя служить!

— Что такое, ваше превосходительство?—недоумѣвалъ я.— Въ чемъ дѣло?

— Я васъ посылаю на ревизію станцій, а вы позволяете себѣ кути^т съ подотчетными агентами.

— Это неправда. Не знаю, кто сообщилъ вамъ подобную ложь.

— Ложь!? Но вотъ анонимное письмо. Вы были въ гостяхъ у начальника станціи Тростянецъ г. Д—ра.

— Былъ, ваше превосходительство. Но позвольте доложить, что Д—ръ мой товарищъ по корпусу. Я былъ шаферомъ у него на свадьбѣ и не видалъ его пятнадцать лѣтъ.

Штрикъ сѣлъ. Взявъ въ руки портсигаръ, онъ любезно протянулъ его мнѣ.

— Да. Ну, такъ это другое дѣло,—смягчился онъ.—Но отчего же вы мнѣ этого сразу не сказали?

— Не придавалъ этому никакого значенія. Да и некогда было. Ваше превосходительство изволили кричать; я не смѣлъ...

— Вы хорошо знаете, что меня зовутъ Викторъ Николаевичъ. Да, такъ старый товарищъ,—раздумчиво повторялъ онъ.—Ну-съ, извините великодушно. Меня просто засыпали анонимныя письма. Не слѣдуетъ даже читать ихъ. Что у васъ? Все благополучно?

Начался служебный докладъ. Вѣрныя его замѣчанія обличали въ немъ недюжиннаго знатока желѣзнодорожнаго дѣла, до мельчайшихъ подробностей.

— Благодарю васъ. Вижу, что не ошибся, поручивъ вамъ фактический контроль. Если свободны вечеромъ, прошу ко мнѣ съ женой.—ласково протянулъ онъ мнѣ руку.

Помощникомъ у Штрика въ то время былъ С. И. Жеромскій, теперь членъ совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ, извѣстный знатокъ своего дѣла. Человѣкъ очень умный, способный, не формалистъ, онъ не даромъ пользуется и теперь репутаціей звѣзды первой величины въ государственномъ контролѣ.

Выслушавъ краткій отчетъ о моей поѣздкѣ, онъ выразилъ мнѣніе, что вообще ревизія, установленная теперь, непримѣнима въ виду того, что требованія правленій частныхъ обществъ почти діаметрально противоположны требованіямъ казны. Что частныя общества преслѣдовали одну цѣль: искусственное увеличеніе расхода для полученія съ казны приплатъ по гарантіи; что документальный кассовый отчетъ не оставляетъ сомнѣній, такъ что ревизія кассовыхъ данныхъ не можетъ имѣть значенія. Отношеніе къ дѣлу С. И. Жеромскаго и его манера придать служебному докладу характеръ наставительной бесѣды всегда приносили самые лучшіе плоды. Изъ его кабинета выходилъ, бывало, обогащенный и опытомъ, и знаніями. Къ сожалѣнію, такіе люди не считаются десятками.

Два съ половиною года службы въ Кременчугѣ прошли очень быстро. Тутъ я получилъ отъ главнаго контролера по постройкѣ Закаспійской военной ж. д. предложеніе перейти къ нему и, соблазнившись лишнею тысячею рублей жалованья и суточными, что составило всего около двухъ тысячъ рублей увеличенія, я, не внявъ увѣщаніямъ С. И. Жеромскаго, въ чемъ каюсь до настоящаго времени, уѣхалъ въ Мервѣ.

III.

Въ Закаспійскій край.

Послѣ девятидневнаго пути, проѣхавъ отъ Одессы до Батума на пароходѣ «Пушкинъ», лучшемъ суднѣ Русскаго общества пароходства и торговли, и перерѣзавъ весь Кавказъ отъ Батума до Баку по Закавказской ж. д., я пересѣлъ на шхуну «Кавказъ и Меркурій» «Туркменъ» и послѣ суточного переѣзда по зеленымъ, пятнистымъ водамъ Каспія вступилъ въ Азію, въ портъ Узунъ-Ада. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ иные люди, иные нравы. Нѣтъ ни одного желѣзнодорожнаго носильщика. Персы, сарты, туркмены наперерывъ выхватываютъ другъ у друга вашъ багажъ и несутся съ нимъ, такъ что вы едва можете поспѣть за ними. Отъ порта до поѣзда больше версты; дорога—сыпучій песокъ; ноги вязнутъ съ непривычки; жара тропическая. Бѣжишь за своимъ носильщикомъ, или, какъ ихъ называли, амбаломъ, высуня языкъ. Но вотъ и поѣздъ: три двухъярусныхъ вагона, буфетъ поѣздной и товарные вагоны, числомъ до тридцати. Никакихъ признаковъ станціи, вокзала. Небольшая землянка, служившая мѣстомъ отдыха путевой стражи.

Никакой продажи билетовъ, сдачи багажа и прочихъ необходимыхъ обрядностей, связанныхъ съ путешествіемъ по желѣзной дорогѣ. Дѣло было вечеромъ; освѣщенія никакого; темно—зги не видно. Съ большимъ трудомъ разыскавъ своего амбала, я услышалъ отъ него неутѣшительныя вещи. Мѣстъ въ поѣздѣ не было, и ему пришлось мои вещи погрузить въ буфетный вагонъ, гдѣ, повидимому, предстояло устроиться и мнѣ. Нестерпимо долго тянулось время; посѣтители буфета, въ большинствѣ случаевъ офицеры разныхъ родовъ оружія, смѣнялись. Одни, уже достаточно воспользовавшись благами, уходили, другіе являлись. Приходъ поѣзда съ буфетомъ составлялъ если не событіе, то во всякомъ случаѣ развлеченіе въ скучной жизни морского поселка. Наконецъ, почти уже къ ночи, буфетъ опустѣлъ, и поѣздъ медленно двинулся въ путь. Устроивъ изъ стульевъ что-то вродѣ кровати, я уснулъ, какъ убитый. Пробужденіе мое было не совсѣмъ обыкновенно. Было около девяти часовъ утра, когда поѣздъ остановился у станціи Кизиль-Арватъ. Въ буфетный вагонъ ворвалась компанія офицеровъ, изъ которыхъ одинъ, въ видѣ милой шутки, тащилъ изъ-подъ меня стулъ. Протестъ мой вызвалъ только смѣхъ его товарищей. Понятно, что я предпочелъ уступить имъ во избѣжаніе болѣе крупныхъ непріятностей. Во время стоянки поѣзда можно было перебраться изъ буфета въ пассажирскій вагонъ, чѣмъ я и воспользовался, и устроился въ маленькомъ отдѣленіи съ какимъ-то военнымъ врачомъ. Мой спутникъ оказался милѣйшимъ собесѣдникомъ, уже два года бывшимъ въ краѣ и знакомымъ съ нравами. Ъхалъ онъ, какъ и я, въ Мервь. Конечно, мы разговорились.

— Не удивляйтесь тому, что видите,—говорилъ онъ.—Дорога строится военнымъ вѣдомствомъ; желѣзнодорожные батальоны и строятъ дорогу и эксплуатируютъ ее. На большихъ станціяхъ начальники—офицеры, на маленькихъ—унтеръ-офицеры; путевая и поѣздная прислуга—солдаты. Поэтому они считаютъ желѣзную дорогу своей собственной и дѣлаютъ, что хотятъ. Ни суда, ни расправы на нихъ нѣтъ. Генералъ Анненковъ покровительствуетъ имъ и ищетъ въ нихъ опору какъ своему произволу, такъ равно и для поддержанія своей власти надъ туземцами. Позвольте спросить, вы съ какою цѣлью ѣдете въ Мервь?

Я удовлетворилъ его любопытство.

— А!—воскликнулъ онъ, оживившись.—Къ милѣйшему Карлу Константиновичу Шульцу! Большой оригиналъ! Онъ даже плохо говорить по-русски. Кажется, шведъ или финнъ, что ли? Какъ только онъ попалъ на такой серьезный и отвѣтственный постъ! Онъ буквально не имѣетъ понятія о дѣлѣ, которымъ руководить. Его ближайшіе помощники совсѣмъ осѣдлали его. Одинъ изъ нихъ, кажется, г. Желябужскій, перебрался въ Кизиль-Арватъ и открылъ тамъ какое-то отдѣленіе контроля совершенно самостоятельно. Да, впрочемъ, сами увидите.

Нельзя сказать, чтобы станціи мелькали одна за другой съ неимоверной быстротой. Напротивъ, поѣздъ тащился какъ черепаха, со скоростью 8—9 верстъ въ часъ. Стоянки у каждой землянки изнурительныя.

— Скажите,—обратился я на одной изъ такихъ стоянокъ къ унтеръ-офицеру, изображавшему оберъ-кондуктора:—отчего мы такъ тихо идемъ? Поѣздъ, что ли, тяжелый, или вагоны перегружены, или путь плохъ?

— Никакъ нѣтъ, поѣздъ порожній, груза ни въ одномъ вагонѣ нѣтъ. А что дѣйствительно путь неважный; строили на спѣшку; думали войско возить. Да вотъ война кончилась. Да и паровозы слабые. Такъ вотъ и ходимъ. Почти на каждой остановкѣ чинимся. Ъдемъ отъ станціи до станціи. Да вотъ извольте посмотрѣть, караванъ стоитъ, онъ весь съ грузомъ, а раньше насъ въ Мервъ придетъ.

— Быть не можетъ,—удивился я.

— Такъ точно. Завсегда раньше. Потому первое, что онъ степью пойдетъ; а второе, что остановокъ меньше и починокъ не будетъ.

— Чего же мы теперь стоимъ уже часъ у этой землянки?

— Это не землянка. Это постъ Балла-Ишемъ. Дымогарную трубку чинятъ гг. офицеры.

— Какіе офицеры?

— Желѣзнодорожнаго батальона.

— Да развѣ они знаютъ это дѣло.

— Никакъ нѣтъ. А все же пробуютъ. Ну, и нефть также беремъ. Только одно званіе, что нефть,—больше мазутъ.

Зной становился нестерпимымъ. Кругомъ землянки ни деревца, ни кустика. Голая солончаковая степь на десятки верстъ, поросшая колючимъ саксауломъ, пропитанная нефтью, мѣстами выступавшею изъ почвы, образуя блестящія радужной синевою пятна. На горизонтѣ, къ персидской границѣ, виденъ горный хребетъ Топетъ-Дага съ его снѣжными вершинами. Внутри раскаленного палящими лучами солнца вагона дышать нечѣмъ. Въ буфетѣ запасъ свѣжей воды истощенъ, и только у запасливыхъ пассажировъ-персовъ въ глиняныхъ долгоносыхъ кувшинахъ еще есть довольно холодная вода,—вотъ условія путешествія. Двое сутокъ такого путешествія останутся надолго въ памяти. На третьи сутки мы прибыли въ Мервъ. Станція изъ сырцовога кирпича, некрашеная, съ плоской крышей, да нѣсколько построекъ казарменнаго вида,—вотъ и все. Но, видимо, европейская культура уже внесла свою лепту. Къ нашимъ услугамъ оказался прекрасный фаэтонъ, запряженный парой приличныхъ лошадей, и мы съ докторомъ покатали въ единственное подобіе гостиницы «Имперіаль», гдѣ и заняли номеръ. Впрочемъ, не будетъ ли слишкомъ громко дать такое названіе продолговатой комнатѣ въ одно окно, безъ пола, вмѣсто котораго торчали тамъ и сямъ сырцовые кирпичи, устланные тростни-

ковой цыновкой, съ двумя кроватями, двумя табуретами и столомъ, сколоченнымъ изъ досокъ, и такою же цыновкою, замѣняющей собою двери. Разобрались и кое-какъ устроились.

IV.

Въ кабинетѣ главнаго контролера.

Главный контролеръ по постройкѣ Закаспійской военной ж. д. Карлъ Константиновичъ фонъ-Шульцъ встрѣтилъ меня очень пріятливо. Это былъ чистенькій, сѣдой, съ бѣгающими глазками не то шведъ, не то финнъ, плохо говорившій по-русски, бывшій офицеръ финскихъ войскъ, назначенный на важный постъ на окраину по особенно сильной протекціи.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—пожимая мнѣ руку, говорилъ онъ,—вы и пріѣхали-то. Очень радъ, что вы приняли мое приглашеніе. А-то мы тутъ ничего не знаемъ. Вотъ ваши сослуживцы: г. Мировичъ и г. Деконскій,—познакомилъ онъ меня, не безъ удивленія слушавшаго его аттестацію.—Анненковъ дѣлаетъ, что хочетъ,—продолжалъ сѣтовать Шульцъ.—Онъ здѣсь какъ диктаторъ. Только ассигновки, ассигновки и кредитъ, кредитъ. Впрочемъ, вы специалистъ по доходу-то. Еще ни одна станція не была обревизована. Вы все это устройте. Поѣзжайте, посмотрите и насъ научите. Кстати, скажите, какъ вы будете ревизовать станцію?—заклучилъ онъ.

— Обревизовать станцію значить не только вывести денежную и грузовую ея наличность, но и прослѣдить за правильностью всѣхъ ея операций.

— Ну, да. Конечно. Я вѣдь всегда такъ и предполагалъ. Вы очень хорошо выразили мою идею,—обрадовался Шульцъ.

— Да вѣдь это, Карлъ Константиновичъ, изображено въ законѣ. Я не смѣю выдавать это опредѣленіе за свое.

— Ну, да, въ законѣ. Видите, какъ хорошо въ законѣ написано. Ну-съ, такъ какъ же вы сдѣлаете? Это любопытно, какъ вы будете приступать къ выполненію закона?

— Чтобы опредѣлить наличіе грузовъ и кассы, я долженъ взять у начальника станціи имѣющіеся у него документы и просить его провѣрить вмѣстѣ со мною грузы въ пакгаузѣ. Затѣмъ, если окажется, что грузъ наличо, а документовъ нѣтъ,—я отмѣчаю; если окажется, что есть документы, а нѣтъ груза,—тоже отмѣчаю.

— Превосходно-то. Ну, а если не окажется ни груза, ни документа,—глубокомысленно перебилъ меня Шульцъ.—Какъ вы тогда поступите?

— Такой случай не предусмотрѣнъ,—вывернулся я.

— Ну, вотъ видите, какой промахъ! Мнѣ кажется, надо составить какой-нибудь актъ или протоколъ, что ничего нѣтъ: ни деньги, ни документы, ни грузы! Это просто скандалъ!—негодовалъ онъ.

— Но вѣдь, Карлъ Константиновичъ, нѣкоторыя станціи представляютъ собою лишь остановочные пункты, развѣзды и операций не производятъ. Развѣ только продажу билетовъ.

— А, да. Есть и такія. Объ этомъ надо будетъ завести особое дѣло съ департаментъ. Тамъ все разберутъ. Такъ вы ужъ приступайте поскорѣе къ работѣ. Я прикажу вамъ выдать открытый листъ; поѣзжайте, ревизуйте постройку, а мы васъ тутъ поддержимъ. Или, впрочемъ, нѣтъ,—какъ бы спохватился онъ:—побывайте пока тутъ съ нами. Еще что скажетъ Алексѣй Алексѣичъ?

Это тотъ самый Желябужскій, о которомъ предупреждалъ меня докторъ.

— Развѣ ваши распоряженія подвергаются обсужденію въ общемъ присутствіи?—осторожно освѣдомился я.

— Нѣтъ, никто не обсуждаетъ, что я хочу,—горячо протестовалъ Шульцъ.—Но все-таки мнѣніе Алексѣя Алексѣича надо спросить. У него хорошее знакомство въ департаментъ.

Я понялъ, въ чемъ дѣло. У Желябужскаго былъ родной братъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ чиновниковъ центрального учрежденія; съ мнѣніемъ его считались, почему и къ брату его относились осторожно, а Шульцъ такъ прямо-таки раболѣпно. Оно и понятно было: не имѣя никакого представленія о ревизіонной дѣятельности контроля вообще, Шульцъ поневолѣ плясалъ по дудкѣ Алексѣя Алексѣича. Два старшихъ контролера, Миновичъ и Деконскій, почти не занимались дѣломъ. Первый только что передо мною прибылъ и не успѣлъ еще войти въ дѣло, да и, не принадлежа къ партіи Желябужскаго, стоялъ какъ бы въ оппозиціи; второй только что женился и былъ исключительно занятъ хорошенькой женой.

— А вы вотъ что,—продолжалъ Шульцъ:—пока познакомьтесь. Сдѣлайте визиты: Анькову (такъ произносилъ онъ фамилію генерала Михаила Николаевича Анненкова, извѣстнаго строителя желѣзныхъ дорогъ: Полѣвскихъ и Закаспійской). Онъ это любитъ, чтобы его брали за начальника; а онъ для насъ совсѣмъ-то не есть начальникъ. Потомъ князь Хилковъ, его помощникъ. Очень умный, ученый человекъ, который даже былъ машинистъ. Ну, потомъ полковникъ Линевицъ и майоръ Алихановъ. Это интересные военные-то люди.

— Благодарю васъ за совѣтъ; непременно исполню.

Меня немного удивило, что главный контролеръ рекомендовалъ познакомиться съ лицами, а не съ дѣломъ. «Неужели,—думалъ я,—при ревизіи постройки такой серьезной и дорого стоящей дороги не возбуждалось никакихъ вопросовъ». Конечно, первые дни я посѣщалъ только контроль, гдѣ работало тогда человекъ тридцать-сорокъ чиновъ разныхъ наименованій, и убѣдился, что матеріала было болѣе чѣмъ достаточно даже и для двойного состава, при

добросовѣстномъ и умѣломъ отношеніи къ дѣлу. Но самое дѣло не было вовсе поставлено и сводилось къ пустякамъ и мелочамъ. Все, что было посерьезнѣе и давало практическіе результаты, находилось въ рукахъ Желябужскаго, жившаго въ 400 верстахъ отъ Мерва, въ Кизиль-Арватѣ, и оттуда безповоротнo рѣшалось и принималось къ исполненію, какъ святыня, самимъ Шульцемъ. Словомъ, Шульцъ былъ у него вполнѣ въ рукахъ и боялся его какъ огня. Всю переписку съ центральнымъ учрежденіемъ велъ Желябужскій, по полной безграмотности Шульца. Иногда получались курьезнѣйшія комбинаціи. Шульцъ увлечется и что-нибудь прикажетъ. Только начнешь исполнять, какъ прибѣгаетъ онъ и говоритъ: «Ахъ, Боже мой, вы уже исполняете это; а вотъ бумаги-то; Алексѣй Алексѣичъ прикажетъ совсѣмъ иначе. Бросьте, пожалуйста, а то будутъ непріятности». Дѣйствительно, Желябужскій съ нимъ не церемонился; пріѣдетъ, бывало, изъ Кизиль-Арвата разнесетъ Шульца, а тотъ растерянный, виноватый стоитъ передъ нимъ.

— Ну, что же вы-то сердитесь, Алексѣй Алексѣичъ. Вѣдь я не зналъ, что вы не желаете!—оправдывался онъ.

V.

У генерала Анненкова.

— Пожалуйста, ваше высокоблагородіе, вотъ къ тому вагону. Генераль тамъ и живутъ,—указалъ мнѣ солдатикъ желѣзнодорожнаго батальона на отдѣльно стоявшій классный вагонъ.—Тамъ ординарецъ доложить.

Я пошелъ по указанному направленію. Навстрѣчу мнѣ выскочилъ изъ вагона расторопный, видимо, толковый унтеръ-офицеръ.

— Такъ точно, у себя. Принимаютъ. Какъ прикажете доложить?

Я сообщилъ. Не прошло и минуты, какъ онъ появился снова.

— Пожалуйста. Просятъ. Только что они извиняются, что не вполнѣ одѣты.

Я вошелъ по сходню въ приспособленный для жилья вагонъ. Узенькая передняя, коридоръ съ дверцами въ купе вмѣсто спальни, и концевой салонъ съ стекляннымъ балкономъ, превращенный въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ отъ письменнаго стола всталъ невысокаго роста плотный генераль въ тужуркѣ генеральнаго штаба. Коротко стриженная голова съ открытымъ лбомъ, быстрыми, умными, даже проникательными глазами. Короткіе съ просѣдью усы, небольшой ротъ, закрытый тонкими губами, и правильный изящный профиль, вотъ что увидѣлъ я передъ собой.

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству, контролеръ государственнаго контроля Миллеръ,—началъ я обычную въ такихъ случаяхъ тираду.

— Здравствуйте. Очень радъ познакомиться. Вы гдѣ учились?

— Имѣлъ честь кончить курсъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, камеръ-пажомъ по первому разряду, ваше превосходительство.

— А, очень радъ. Значить, мы съ вами однокашники. Но вы, конечно, гораздо моложе. Въ какомъ году?

— Въ семьдесятъ третьемъ.

— Ну, а я въ 1858 г. Скажите, какой чортъ понесъ васъ на службу въ эту трущобу? Да еще къ Шульцу? Вы его знаете?—забросалъ меня генералъ вопросами.

— По службѣ совершенно не знаю, и лично почти не знакомъ. Меня соблазнила новизна дѣла и нѣсколько усиленное содержаніе,—откровенно отвѣчалъ я.

— Ну-съ, такъ я васъ не поздравляю. Это кажущееся увеличеніе содержанія сокомъ выйдетъ-съ. Тутъ, кромѣ баранины, ничего нѣтъ. Фазаны—да ихъ никто не умѣетъ зажарить. Чай, сахаръ, все это дорого. Сахаръ—40 коп. Вино кавказское—мерзость. Квартиръ нѣтъ. Вы гдѣ помѣстились?

— Въ гостиницѣ «Имперіаль».

— Ну, и гостиница! Кабакъ! Не удивляйтесь, если когда-нибудь застанете на своей постели арфистку съ пьянымъ офицеромъ. Тутъ изъ-за этого была исторія. Лучше переѣзжайте въ кибитку. По крайней мѣрѣ будете дома. Я дамъ денщика.

— Покорно благодарю васъ, ваше превосходительство. Воспользуюсь вашимъ любезнымъ вниманіемъ.

— Какое тамъ вниманіе. Надо же человѣку иногда имѣть покой. А то во всѣхъ этихъ кабакахъ гвалтъ и пьянство день и ночь. Ну, а что Шульцъ? Прыгаетъ, дуритъ? Вотъ уже подлинно экземпляръ, фруктъ!

Я замѣтилъ, что генералъ любитъ энергично выражаться.

— Да-съ,—продолжалъ онъ характеристику Шульца.—Понятія не имѣетъ, а тоже лѣзетъ, суется и только мѣшаетъ и путаетъ. Ужъ я теперь принялъ систему. Если бумага не подписана Желябужскимъ, то бросаю ее въ сорную корзину. Посмотрите, что онъ напуталъ по дѣлу Листа и Лурье. Вѣдь этого годами не разберешь. Чортъ его знаетъ, что ему, малограмотному, отъ меня надо. Тутъ спѣшное дѣло, надо во что бы то ни стало кончить дорогу, укладываемъ по пяти верстѣ въ сутки, а онъ лѣзетъ съ разспросами: почему такому-то беку подарены отъ высочайшаго имени такіе, а не этакіе часы. Или спрашиваетъ: почему нельзя строить постоянного моста, а лишь временный въ такомъ-то мѣстѣ Мургаба? Да я виноватъ, что ли, что Мургабъ, какъ всякая степная рѣка, мѣняетъ русло, и постоянный мостъ дорого бы стоилъ, и оказался бы въ одно прекрасное утро на сухомъ мѣстѣ. Надоѣлъ хуже горькой рѣдьки. Вы изъ Петербурга? Не слышали, когда его уберутъ?

— Не слышалъ объ этомъ ничего, ваше превосходительство.

— Жаль, право, жаль. Ну, спасибо вамъ за вниманіе. Прошу сегодня ко мнѣ сюда обѣдать въ 5 часовъ. Я васъ познакомлю съ нѣкоторыми моими сотрудниками. Да, прошу васъ, позовите Мировича. Онъ, кажется, не изъ Шульцева тѣста.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство. Приду.

— До свиданія.

М. Н. Анненковъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Несмотря на нѣкоторую нервность и даже рѣзкость его манеры выражаться, въ немъ виденъ былъ умный, честный человѣкъ. Болѣе близкое съ нимъ знакомство показало въ немъ недюжиннаго, энергичнаго дѣятеля. Съ пяти часовъ утра онъ уже ежедневно былъ на конѣ, на укладкѣ пути. Это былъ поэтъ своего дѣла. Не щадя силъ въ работѣ, онъ требовалъ энергіи и дѣятельности отъ другихъ. Самъ очень способный, онъ физически не переваривалъ людей нерѣшительныхъ, многословныхъ, педантовъ и рутинеровъ. Находчивость его и умѣнье гворить со всякимъ были прямо сказочны. Надо сказать, что въ постройкѣ Закаспійской жел. дор., кромѣ солдатъ и офицеровъ, исполнявшихъ первыя роли десятниковъ, а вторые—завѣдывающихъ участками работъ, принимали участіе въ качествѣ рабочихъ люди всякихъ національностей: текинцы, сарты, туркмены, персы, попадались даже китайцы. Расчетъ платы производился за извѣстный періодъ времени, причемъ въ это время продовольствіе забиралось у духанщиковъ-армянъ на засвидѣтельствоваанныя рабочія книжки. Нечего и говорить, что эти духанщички сильно злоупотребляли невѣжествомъ темной массы и безбожно преувеличивали счетъ. Если къ этому еще иногда случайно задерживалась уплата, то, понятно, вызывались ропотъ и беспорядки. Отъ одного изъ начальниковъ дистанціи была какъ-то получена телеграмма, увѣдомлявшая, что не рассчитанные рабочіе бунтуютъ. Тотчасъ же генераль собралъ совѣтъ. Предлагали послать на усмиреніе воинскую команду. Анненковъ только саркастически улыбался.

— Какъ великъ средній заработокъ рабочаго за это время?—спросилъ онъ главнаго бухгалтера, М. Д. Гарфильда.

— Трудно опредѣлить точно,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Я не спрашиваю, трудно или не трудно. Спрашиваю цифру.

У меня подъ рукой оказалась рабочая книжка. Я сообщилъ генералу интересовавшую его цифру.

— Ну, вотъ. А сколько тамъ примѣрно рабочихъ?

— Человѣкъ шестьсотъ,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Кажется, у меня есть столько подотчетныхъ денегъ. Во всякомъ случаѣ телеграфируйте, что я сейчасъ выѣзжаю экстреннымъ поѣздомъ. Г. Сутягинъ, чтобы черезъ двадцать минутъ были деньги, по расчету, сколько надо для платежа семьямъ рабочимъ. Сна-

рядите поѣздъ,—приказаль онъ начальнику станціи.—Никакой военной команды не надо. Взять въ поѣздъ три бочки вина и чурковъ полвагона. Выѣзжаю черезъ полчаса. Ёдемъ,—пригласилъ онъ въ числѣ другихъ и меня.—Посмотрите, какая будетъ шикарная мировая.

Все устроилось какъ по мановенію волшебнаго жезла. Пренебрегая явною опасностью, мы мчались со скоростью семидесяти верстъ въ часъ и черезъ нѣсколько часовъ прибыли къ мѣсту назначенія. На площадкѣ встрѣтилъ генерала растерявшійся начальникъ дистанціи.

— Что у васъ такое, милостивый государь,—закричалъ генераль.—Такъ нельзя дѣло вести съ рабочими. Позвали бы и пугнули духанщиковъ, и дѣлу конецъ. А то разводите тревогу чуть не на весь край! Непростительная глупость! Чтобы я этого впередъ не слышалъ. Гдѣ рабочіе? Собрать ихъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ вокругъ генерала выросла толпа больше пятисотъ человѣкъ. Но толпа эта стояла спокойно.

— Переводчики, скажите имъ, что я привезъ имъ деньги, спасибо за работу и угощенье!

Надо было видѣть энтузіазмъ, съ которымъ, всякій по-своему, отвѣчалъ на привѣтствіе генерала. Черезъ четверть часа рабочіе были разсчитаны, качали генерала на ура и угощались, кто хотѣлъ, виномъ и чурками. Не было и тѣни какого-либо бунта. Всѣ прославляли мудрость царскаго генерала и кричали ему «ура», а черезъ часъ поѣздъ уже болѣе тихимъ ходомъ возвращался въ Мервъ.

IV.

Князь Михаилъ Ивановичъ Хилковъ.

Недавно скончавшійся князь М. И. Хилковъ былъ въ Закаспійскомъ краѣ ближайшимъ сотрудникомъ и совѣтникомъ строителя Закаспійской ж. д. генерала Анненкова. Покойный князь былъ человѣкъ настолько незаурядный, что на немъ слѣдуетъ остановиться особенно подробно. Начиная съ того, что уже сама внѣшность его располагала въ его пользу съ перваго же на него взгляда, по мѣрѣ близкаго съ нимъ знакомства расположеніе это росло быстрыми шагами. Средняго роста, съ сильной просѣдью шатень, добродушно улыбавшійся собесѣднику взоромъ умныхъ глазъ, обаятельно любезный и внимательный, онъ положительно очаровывалъ имѣвшихъ къ нему дѣло. Никогда не ставившій своего я выше требованій дѣла, онъ былъ связующимъ звеномъ между управленіемъ постройки желѣзной дороги и государственнымъ контролемъ.

Если припомнить тѣ трудныя условія, при которыхъ производилось спѣшно это сооруженіе, роль князя, какъ примирителя, станетъ понятною.

Ровный, сдержанный, глубоко-образованный, знатокъ желѣзно-дорожнаго дѣла, онъ всегда умѣлъ найти и возбуждать интересъ къ дѣлу. Чуждый какой-либо мелочности, онъ заставлялъ себя слушать и подчинялъ себѣ своей неумолимой логикой. Единственнымъ признакомъ волненія при обсужденіи вопросовъ самыхъ острыхъ было поглаживаніе небольшой бородки-эспаньолки, но добродушная улыбка все-таки не покидала его милаго лица—зеркала его чистой, кристальной души. Баринъ по рожденію, баринъ въ душѣ, онъ всегда оставался вѣрнымъ себѣ. Многое можно было бы еще сказать о немъ, но это уже дѣло его будущаго біографа.

На Закаспійской дорогѣ онъ завѣдывалъ всѣмъ тѣмъ, что, главнымъ образомъ, касалось службы тяги, то-есть паровозовъ, вагоновъ, всякаго рода подвижного состава, депо, мастерскихъ и т. п. По этой части онъ былъ специалистомъ всякихъ знаній, начиная отъ ремесла слесаря и до руководителя мастерскихъ, и можно смѣло сказать, что подобнаго ему найти трудно. Онъ работалъ самъ, его рукамъ не чужды были напильники, зубила, клещи, зажимы... Никакая работа не была ему незнакома. Вотъ почему отъ него всегда исходила правильная и справедливая оцѣнка труда, а отсюда и громаднѣй, нравственный авторитетъ его у дѣтей тяжелаго труда—рабочихъ.

Еще до прибытія моего въ Закаспійскій край я уже много и не разъ слышалъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. А. П. Иващенко, самъ человѣкъ большой эрудиціи и труда, напутствуя меня въ эту командировку, говорилъ мнѣ о князѣ Хилковѣ съ большимъ одушевленіемъ и рекомендовалъ познакомиться съ нимъ. Изъ словъ Анатолія Павловича слѣдовало заключить, что къ мнѣнію покойнаго князя должно прислушиваться.

Къ сожалѣнію, князь жилъ въ Асхабадѣ, а дѣятельность наша сосредоточивалась въ Мервѣ, такъ что мнѣ пришлось лично видѣть князя только черезъ два мѣсяца послѣ прибытія въ Мерв. Тѣмъ не менѣе, о результатахъ его кипучей работы можно было судить и здѣсь, такъ какъ не было крупнаго дѣла, по которому не считались бы съ его взглядомъ.

Теперь понятно то нетерпѣніе, съ какимъ я ожидалъ свиданія съ княземъ Михаиломъ Ивановичемъ. Въ первую же поѣздку въ Асхабадъ я наконецъ увидѣлъ князя въ обстановкѣ, которой никогда не забуду. Недалеко, приблизительно въ полуверстѣ, отъ станціи, въ домикѣ въ два окна, выстроенномъ изъ сырцоваго кирпича, съ небольшой пристройкой, выбѣленнымъ, какъ и всѣ прочія желѣзнодорожныя постройки, съ толевой крышей, помѣщался князь. На стукъ мой въ дверь,—звонка не было—она была отво-

рена самимъ хозяиномъ, одѣтымъ въ тужурку изъ верблюжьяго сукна и черныя, забранныя въ высокіе сапоги боты. На представленіе мое послѣдовало радушное приглашеніе:

— Милости просимъ, очень радъ познакомиться.

Вслѣдъ за нимъ вступилъ я въ чистую, свѣтлую, площадью около четырехъ и высотой около полутора сажень, комнату. Никто никогда не дерзнулъ бы помыслить, что комната эта служить жилищемъ дѣятеля, располагающаго сотнями тысячъ казенныхъ рублей, такъ въ ней все было просто. Не было тутъ ковровъ, картинъ и бронзъ, обыкновенно украшающихъ апартаменты инженеровъ, строителей желѣзныхъ дорогъ. Не было тутъ и намека на роскошь и комфортъ. Здѣсь, наоборотъ, врядъ ли было и все самое необходимое.

На первомъ планѣ большой столъ, сколоченный изъ выстроганныхъ досокъ, на распоркахъ изъ брусьевъ, въ видѣ римской цифры X, связанныхъ перекладиной. Очевидно, столъ этотъ исполнялъ обязанности письменнаго, о чемъ свидѣтельствовали помѣщавшаяся по срединѣ чернильница, нѣсколько ручекъ съ перьями, карандаши и другія принадлежности для письма и черченія.

Съ одного края образцы какихъ-то металлическихъ издѣлій, пробныя по излому куски разныхъ металловъ, кубъ съ ретортами и неизмѣнной спиртовой лампочкой; съ другой стороны стола чертежи и выкладки и возлѣ нихъ недопитый стаканъ чаю. Два деревянныхъ табурета, изъ которыхъ одинъ былъ предложенъ мнѣ, другой занятъ самимъ хозяиномъ. Простая, походная, желѣзная кровать, небольшой шкафъ, съ прибитой къ нему доской для складного зеркала и туалетныхъ принадлежностей, еще два табурета—вотъ и все убранство келіи этого схимника-строителя. Глиняный, неровный полъ сплошь устланъ тростниковой циновкой.

— Очень радъ познакомиться,—повторилъ князь, приглашая меня сѣсть на стоявшій возлѣ стола табуретъ.—Тѣмъ болѣе радъ, что, кажется, мы съ вами однокашники. Судя по значку, вы тоже бывшій пажъ?—спросилъ онъ.

— Да, пажъ выпуска 1873 года,—отвѣчалъ я.

— Вотъ какъ хорошо. Михаилъ Николаевичъ тоже пажъ. Но мы съ нимъ немного постарше васъ. Я выпуска 1853 г. Будемъ же всѣ дѣлать дружно государево дѣло. Мы съ нимъ будемъ строить и устраивать, а вы помогайте намъ въ расчетахъ. Глядите въ оба, чтобы насъ не обсчитывали и не обманывали, а то вѣдь намъ не успѣть; мы народъ чернорабочій, намъ надо безъ отдыха и усталости трудиться, а вы ужъ охраняйте насъ отъ злыхъ людей и невѣрныхъ расчетовъ. Большое спасибо скажемъ вамъ за всякое полезное указаніе и всякое ваше разумное слово примемъ къ свѣдѣнію.

— Не по силамъ намъ, князь, дѣлать указанія такому испытанному руководителю, какъ вы,—возразилъ я.—Только впору учиться у васъ.

— Ну, вотъ. Руководитель, учиться...—перебилъ онъ меня.— Вижу, что вамъ уже успѣли наклеветать на меня. Просто толковый рабочій—вотъ мое мѣсто. Не скрою, что съ дѣломъ, которое дѣлаю, знакомъ близко, до деталей. Не даромъ натиралъ себѣ мозоли въ Америкѣ и въ Англіи. Ну, да былъ молодцу не укоръ,—пошутить онъ.—Учился я тамъ и многимъ обогатился. Очень радъ, что удалось свои труды и познанія примѣнить въ отечествѣ.

— Вы, князь, завѣдуете службой тяги и мастерскими? — спросилъ я.

— Прежде всего условимся обходиться безъ титуловъ и князей. Какіе тутъ на солончакѣ князья и графы. Меня зовутъ Михаилъ Ивановичъ,—отвѣчалъ онъ.—Какъ вамъ сказать? Дѣйствительно, ближе всего моему сердцу эта отрасль знаній. Но поручаютъ что другое, такъ я не отказываюсь ни отъ чего. Одна бѣда—не хватаетъ времени: все спѣшно и срочно. Да, впрочемъ, будь въ суткахъ и сорокъ восемь часовъ, хватило бы чѣмъ ихъ заполнить. Здѣсь у меня прекрасные сотрудники: Кубасовъ и Свинцовъ. Знаете ихъ?

— Кубасова знаю, а Свинцова еще не видѣлъ, но по наслышкѣ знаю.

— Хорошіе, хорошіе оба. Честнѣйшіе труженики.

— Вашей школы, Михаилъ Ивановичъ?

— Да, много работаемъ вмѣстѣ. А вы? Что же? Фактическимъ контролемъ или документальной ревизіей будете заниматься?

— Скорѣе фактическимъ.

— Прекрасно. Живое дѣло всегда поучительнѣе и больше говоритъ уму. У живого дѣла человѣкъ становится энергичнѣе и не тратитъ времени на пустяки. За живымъ дѣломъ человѣкъ творить, увлекается, а въ особенности, если ему не чужда художественная жилка. Вотъ этого не могутъ понять кабинетные дѣльцы и измѣряютъ художественное творчество грошами смѣтныхъ назначеній. Отсюда масса бесплоднѣйшихъ бумажныхъ пререканій, поѣдающихъ и силы и время. Да и некогда намъ, положительно некогда справляться съ различными бухгалтерскими и счетными уставами, когда государь возложилъ на насъ такую серьезную и отвѣтственную задачу, какъ наша строящаяся дорога: гроза Англіи, будущій главный нервъ Средней Азіи. Даю вамъ слово, что въ этой кипучей работѣ едва успѣваешь просмотрѣть журналы: «Graphic», «Pacific» и въ родѣ ихъ. А то вѣдь и совсѣмъ отстанешь отъ живого міра. О газетахъ и говорить нечего: давно и въ глаза не видалъ. Вотъ, если хотите, могу подѣлиться съ вами англійскими и американскими журналами. Много интереснаго. Вѣдь вы знаете языки?

— Знаю. Очень вамъ благодаренъ за любезное предложеніе и, если позволите, воспользуюсь имъ сегодня же.

— Я пришлю вамъ журналы въ вагонъ. Вы, конечно, въ вагонѣ?

— Да, въ кукушкѣ. Трясетъ немилосердно.

— Что дѣлать? Потерпите. Скажите спасибо, что удалось пере-
дѣлать изъ стараго товарнаго вагона. Развѣ въ кибиткѣ лучше?
Вѣдь не лучше. Тутъ по крайней мѣрѣ нѣтъ ни фалангъ, ни скор-
піоновъ. Вы собственно зачѣмъ въ Асхабадъ?

— Надо посмотрѣть мастерскія, депо и кое-что изъ подвижнаго
состава.

— Ну, это все я самъ вамъ покажу. Ручаюсь, что со мной вы
вдвое меньше израсходуете времени и силъ. Сегодня уже поздно,
а завтра съ утра—хотите?

— Не знаю, какъ и благодарить васъ. Не смѣлъ и думать без-
покоить васъ лично. Предполагалъ, что дадите мнѣ кого-нибудь
изъ помощниковъ вашихъ.

— Вотъ еще—помощниковъ! Всякій занятъ своимъ дѣломъ.
Такъ завтра. Въ какомъ часу?

— Какъ найдете удобнымъ.

— Такъ часовъ съ пяти. Работы начинаются въ четыре и до
одиннадцати. Потомъ уже жара.

Замѣтивъ отразившееся на лицѣ моемъ изумленіе, когда онъ
назначилъ столь ранній часъ, онъ продолжалъ:

— Это вамъ, изнѣженнымъ городскимъ жителямъ, кажется
рано, а вотъ Михаилъ Николаевичъ начинаетъ укладку пути въ
три часа утра и всегда самъ съ утра на конѣ, какъ главнокоман-
дующій, объѣзжаетъ свои позиціи. Надо удивляться энергіи и
трудоспособности этого человѣка. Зато и успѣваетъ укладывать
до шести верстъ въ день.

На утро, ровно въ пять часовъ, я, конечно, былъ въ условлен-
номъ мѣстѣ, гдѣ уже засталъ князя оживленно бесѣдовавшимъ
съ какимъ-то господиномъ на англійскомъ языкѣ.

— Какъ аккуратно,—любезно встрѣтилъ онъ меня.—Позвольте
познакомить васъ: Mister Spiech,—назвалъ онъ своего собесѣд-
ника.—Нашъ контролеръ,—представилъ онъ меня.

Мы можали другъ другу руки.

— Mister Spiech,—продолжалъ Михаилъ Ивановичъ,—пріѣхалъ
изъ Ливерпуля помогать намъ строить опрѣснители. Вы имѣете
понятіе объ этомъ сооруженіи? Вѣдь здѣсь почвенная вода невоз-
можна: либо съ солончакомъ, либо съ нефтью. Родниковъ почти
нѣтъ. Такъ вотъ мы и строимъ зданія, въ которыхъ помощью хими-
ческаго процесса дѣлаемъ воду годною къ употребленію. Мы съ
m-r Spiech старые пріятели. Вмѣстѣ работали въ Америкѣ, на Транс-
атлантической дорогѣ, а потомъ на заводахъ Мурра въ Ливерпулѣ.
Вотъ, батюшка, гдѣ поучиться дѣлу!.. Вотъ гдѣ ни одна минута
не пропадаетъ для человѣка даромъ. Вы свободны?—обратился
онъ къ англичанину.—Не хотите ли пойти съ нами въ мастерскія?
Впрочемъ, послѣ того, что вы видѣли на своемъ вѣку, здѣшнее
дѣло покажется вамъ игрушкой!

М-г Spiech выразилъ полную готовность сопутствовать намъ, и мы втроемъ тронулись въ путь.

Въ мастерскихъ работа уже кипѣла ключомъ. Михаилъ Ивановичъ останавливался у каждаго станка; замѣтно было, что ему хорошо извѣстно состояніе каждой работы. Всѣхъ рабочихъ, не говоря уже о старшихъ или мастерахъ, онъ зналъ если не по имени, то по фамиліи; всѣ они и не думали титуловать его, а звали его просто по имени-отчеству. Онъ тутъ скорѣе походилъ на старшаго мастера, а совсѣмъ не на начальника, такъ мало было въ немъ похожаго на лицо, власть имѣющее.

То и дѣло тотъ или другой обращался къ нему за совѣтомъ или за объясненіемъ. Спокойно, терпѣливо, не спѣша, обстоятельно отвѣчалъ онъ на вопросы и не разъ, вооружась инструментомъ, показывалъ, какъ примѣнить слова на практикѣ. Едва-едва къ десяти часамъ кончили мы обходъ мастерскихъ и, взявъ тутъ же въ мастерской холодный душъ, отправились на станцію въ буфетъ завтракать.

Въ вопросахъ особой важности М. Н. Анненковъ непременно прибѣгалъ къ совѣту Михаила Ивановича, и его громадный опытъ всегда сослуживалъ большую пользу дѣлу. Такъ было и при постройкѣ знаменитаго тедженскаго моста, два раза проваливавшася, безъ всякихъ видимыхъ причинъ или техническихъ отступленій. Михаила Ивановича въ то время не было. Онъ пріѣхалъ вскорѣ послѣ второго провала. Я помню, какъ искренно скорбѣлъ онъ по поводу этого происшествія.

— Какой стыдъ,—говорилъ онъ.—Что будутъ теперь въ правѣ говорить о насъ тѣ же англичане, ради угрозы которымъ мы такъ спѣшно несемъ тутъ тяжкіе труды и затраты. Да что деньги! Деньги на послѣднемъ планѣ. Вѣдь какой минусъ нашему авторитету! Не умѣемъ построить прочнаго моста черезъ степную рѣчку!

Какъ разъ почти сейчасъ же получилъ онъ телеграмму отъ Анненкова съ просьбой осмотрѣть мѣсто катастрофы и сдѣлать, что можно. Черезъ часъ, взявъ паровозъ и вагонъ, мы уже мчались съ нимъ къ Теджену. Осмотрѣвъ разрушеніе, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Вѣдь какъ просто. Мостъ выстроенъ прекрасно, но дѣло въ томъ, что ему не на чемъ держаться. Какъ у всѣхъ степныхъ рѣчекъ, берега слабы и измѣнчивы. Вся штука въ томъ, что надо укрѣпить берега и сдѣлать русло постояннымъ, по меньшей мѣрѣ на четверть версты въ обѣ стороны.

Построенный по его указаніямъ мостъ и укрѣпленные берега стоять и до сихъ поръ.

VII.

У полковника Н. П. Линевича.

— Очень пріятно познакомиться,—радушно привѣтствовали меня командиръ стрѣлковаго батальона и мѣстный военскій начальникъ полковникъ Николай Петровичъ Линевищъ. Нельзя было провидѣть въ скромномъ, сѣденькомъ полковникѣ будущаго главнокомандующаго манчжурской арміей.—Прощу садиться. Чѣмъ позволите потчевать? Випца, кофею, чаю?—предлагалъ онъ.—Я, думаю, вина стаканчикъ? У меня хорошее имеретинское! Поздравить новаго контролера съ пріѣздомъ.

— Благодарю васъ; охотно выпью стаканъ за здоровье общаго любимца, моего гостепріимнаго хозяина.

— Ну, гдѣ тамъ любимецъ. Просто, слава Богу, со всѣми пока живу въ ладу. Да и часть моя такая, отдѣльная. Никого не касаюсь и ни у кого на дорогѣ бревномъ не лежу. А вотъ у васъ все война. Никакъ не можетъ Шульцъ столкнуться съ Анненковымъ. Казалось бы, это очень странно. Оба служатъ одному дѣлу. Оба честные, хорошіе люди.

— Какъ, полковникъ,—удивился я.—Вы сравниваете Шульца съ Анненковымъ?!

— Ну, вотъ еще. Кто сравниваетъ? И не думаю. Анненковъ—орелъ. Посмотрите, какая пропасть у этого человѣка дѣловой энергии. Онъ съ пяти часовъ утра на конѣ! Не знаетъ покоя! И тутъ, и тамъ вездѣ онъ, и все почти въ одно время. Какъ только онъ поспѣваетъ. И вѣдь самъ по себѣ богатый,—стало быть, не изъ-за денегъ работаетъ: а любить самую работу. Вотъ это-то и цѣнно. Но вотъ хорошихъ сотрудниковъ ему какъ-то не удается подобрать себѣ. Въ настоящее время лучшіе люди: князь Хилковъ и Анатолій Ивановичъ Свинцовъ, начальникъ дистанціи въ Узунъ-Ада. Это такіе же работники, какъ онъ самъ. А какъ онъ умѣетъ ладить съ беками. Они слушаются его, какъ дѣти. А рабочіе—боготворятъ его.

— Въ этомъ я уже имѣлъ случай убѣдиться, полковникъ,—подтвердилъ я и рассказалъ случай, которому былъ очевидцемъ.

— Да, такіе случаи съ нимъ нерѣдки. Ну, конечно, Шульца нельзя сравнивать съ нимъ, а все же это честный чухонецъ. Жалко, что плохо говорить по-русски. Это ему во многомъ мѣшаетъ. Да и, кажется, осѣдлали его ближайшіе сотрудники; одного такъ онъ прямо боится. Ну, и вотъ нехорошо, что онъ размѣнялся на пустяки, а важное упускаетъ. У него сложилось странное предубѣжденіе о строителяхъ дороги. Онъ увѣренъ, что всѣ воры, а отсюда происходятъ личныя дурныя отношенія, вредящія дѣлу.

Въ это время вѣстовой, расторопный стрѣлокъ, подаль кувшинъ вина и два глиняныхъ стакана.

— Не бойтесь пить изъ такихъ стакановъ. Это изъ здѣшней проклятой глины,—добавилъ онъ, замѣтивъ мое смущеніе при видѣ столь непривычной глазу европейца посуды.—Вино лучше сохраняетъ свой букетъ въ такой посудѣ.

Вино, дѣйствительно, оказалось превосходнымъ.

— Вамъ, кажется, по вкусу вино. Позвольте вамъ прислать кувшинчикъ. Оно у васъ въ кувшинѣ сохранится и безъ ледника, въ комнатѣ,—пояснилъ онъ, когда я отозвался неимѣніемъ ледника.

— Вотъ гдѣ я пилъ вино еще лучше этого, прямо слеза по чистотѣ,—продолжалъ онъ:—во время экспедиціи въ Ферганскую область. Послѣ здѣшнихъ степей и саксауловъ это просто рай земной. Да, если рай дѣйствительно былъ между Тигромъ и Евфратомъ, то вѣдь не такъ и далеко. Это сплошной фруктовый садъ. Да вѣдь какіе фрукты: апельсины, лимоны, бананы, дыни. А какая дичь! Фазаны! Текинцы и сарты ихъ прямо палками бьютъ. Вы охотникъ? Нѣтъ. Жаль. Значить, не поймете восторга охотника при видѣ массы кабановъ, жирановъ, косуль и прочаго добра. А въ камышахъ тигры! Что угодно. Да, это благодатный край!—закончилъ онъ.

— Я готовъ васъ слушать до утра, полковникъ. Вы такъ искренни и такъ мастерски характеризуете и лицъ и мѣстности. Боюсь только, не отрываю ли я васъ отъ дѣла.

— Нѣтъ, дѣла особеннаго нѣтъ. Что тебѣ?—обратился онъ къ вошедшему вѣстовому.

— Такъ что подполковникъ Сполать-Богъ желаетъ васъ видѣть.

— Позвольте мнѣ принять его. Онъ бѣдный, больной. Вотъ увидите, какой жалкій. Проси,—приказалъ онъ вѣстовому.

Но приказаніе это почти запоздало. Не успѣлъ вѣстовой повернуться къ двери, какъ въ нее вошелъ блѣдный, какъ смерть, растрепанный, съ какой-то бумагой въ рукахъ, очень симпатичный полковникъ въ формѣ стрѣлковаго батальона.

— Николай Петровичъ, я къ вамъ съ жалобой. Это невозможно, такіе безпорядки, просто жить нельзя послѣ этого,—не то, что проговорилъ, а простоналъ онъ, пожимая протянутую ему Линевичемъ руку.

— Что такое? Успокойтесь. Садитесь и расскажите толкомъ,—успокаивалъ его хозяинъ.—Позвольте васъ познакомить,—отрекомендовалъ онъ насъ другъ другу.

— Да вотъ, представьте, приношу въ телеграфъ депешу. Это, видите, очень важная телеграмма государю императору. Я телеграфирую его величеству, что на персидской границѣ все спокойно, но что у афганцевъ все англичане инструкторы, и если дать имъ волю, конечно, ихъ вліяніе на здѣшній край будетъ пагубно. Уже и теперь много евреевъ, но евреи эти бухарскіе, а тогда будутъ индѣйскіе или китайскіе, что еще хуже. Кстати посылаю государю бѣлый коверъ и доношу объ этомъ начальнику главнаго штаба. Для

сокращенія въ той же депешѣ. Вдругъ телеграфистъ не принимаетъ. Увѣряетъ, что надо имѣть разрѣшеніе начальника области генерала Комарова, чтобы посылать телеграммы государю. Вѣдь это же неправда. Такъ ужъ вы, пожалуйста, прикажите.

— Ахъ, дѣйствительно, какой негодилъ телеграфистъ,—многозначительно посмотрѣвъ на меня, согласился Линевищъ.—Оставьте телеграмму у меня,—обратился онъ къ больному:—я распоряжусь самъ, пошлю телеграмму за вашей подписью и потомъ пришлю вамъ квитанцію.

— Ну, спасибо. Большое спасибо. Вамъ я вѣрю,—успокоился Сполать-Богъ.—Вы давно пріѣхали въ Мервъ?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣсколько дней.

— Не повстрѣчали ли вы гдѣ-нибудь транспортъ верблюдовъ, который я послалъ въ Петербургъ. Вы, конечно, знаете, что по моему проекту скоро будутъ возить артиллерію на верблюдахъ. Они гораздо выносливѣе лошадей, а главное могутъ долго не пить. Это очень важно для кавалеріи. А? повстрѣчали?

— Какъ будто, помнится, повстрѣчалъ,—отвѣчалъ я. Линевищъ одобрительно кивнулъ головой.

— Теперь уже, вѣроятно, скоро буду имѣть отвѣтъ. До свиданій, Николай Петровищъ. Спасибо вамъ. Большое спасибо. Мое почтеніе,—протянулъ онъ мнѣ руку, успокоенный вполне.

— Вотъ вамъ результатъ здѣшней жизни,—произнесъ Линевищъ.—Если человѣкъ здоровьемъ не совсѣмъ крѣпокъ, то ему очень трудно привыкнуть къ климату. Сильный солнечный припекъ дѣйствуетъ на мозгъ и нервы, а мелкая солончаковая пыль забирается въ глаза, носъ и уши, и часто отъ нея прямо-таки слѣпнуть. Отъ солнечнаго удара туземцы носятъ бараньи папахи, а отъ пыли во время вѣтра спасаются шелковой сѣткой. Кстати, вы гдѣ остановились?

— Въ «Имперіалѣ».

— Бросьте этотъ кабакъ. Перебирайтесь лучше въ кибитку. По крайней мѣрѣ вы будете дома. Я прикажу дать вамъ хорошую, обтянутую съ внутренней стороны сырцомъ, съ бараньей цыновкой отъ тарантуловъ и фалангъ. Вы ихъ не бойтесь; они сами не трогаютъ, только ихъ не троньте.

— Благодарю васъ. Мнѣ уже совѣтовалъ генералъ перебраться въ кибитку.

Вошедшій денщикъ доложилъ о прибытіи какой-то воинской команды, и я простился съ радушныхъ хозяиномъ. Послѣдующія встрѣчи, къ сожалѣнію, не частыя и не оставили во мнѣ навсегда самое пріятное впечатлѣніе объ этомъ миломъ, добрѣйшемъ человѣкѣ, интересномъ, много видѣвшемъ на своемъ

вѣку собесѣдникѣ, отцѣ ввѣренныхъ ему солдатъ. Не даромъ же прозваніе «папаша», данное ему въ Закаспійскомъ краѣ обожавшими его солдатами, сохранилось за нимъ до мавчжурской арміи.

VIII.

Въ кибиткѣ.

Дома засталъ я своего сожителя очень не-въ духѣ. Сильно негодовалъ онъ на разныя служебныя невзгоды, недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ приспособленіяхъ при леченіи глазныхъ недуговъ, принявшихъ здѣсь просто эпидемическій характеръ.

— Не хватаетъ не только вещей, но врачей и даже сколько-нибудь опытныхъ фельдшеровъ. Возился цѣлый день; усталъ страшно. Думалъ отдохнуть до вашего прихода, однако нѣтъ. Послушайте-ка, рядомъ гвалтъ такой, что нѣтъ возможности вздремнуть. Кутятъ какіе-то офицеры въ полной обстановкѣ. Тутъ и арфянки, и пѣвички изъ хора, и просто какія-то жидовки. Хоть вотъ бѣги.

— Я васъ порадуя, докторъ. Хочу предложить вамъ перебраться со мною въ кибитку.

— Въ кибитку? Это еще что такое?

— Я и самъ не знаю. Но очень хвалятъ и генераль Анненковъ и Линевицъ. Послѣдній даже уже предоставилъ въ мое распоряженіе кибитку на берегу арыка, новую. Идемъ смотрѣть.

— Что вы шутите? Кибитку, на колесахъ? Да что мы, цыгане, что ли?

— Не упреждайте событій. Кибитка—это камышевый конусъ, въ родѣ самоѣдскаго чума. Чтобы песокъ не проникалъ, съ внутренней стороны онъ обтянутъ сырцовымъ шелкомъ, а снаружи верблюжьей шкуры. Въмѣсто пола баранья шкура, предохраняющія отъ мышей фалангъ.

— Вотъ это хорошо. Спасибо, согласенъ. Да не будемъ откладывать въ долгій ящикъ,—отправимся теперь же.

Я не возражалъ. Сказано—сдѣлано, и черезъ часъ мы съ докторомъ уже устраивались въ просторномъ помѣщеніи, отведенномъ намъ любезностью генерала Анненкова и Линевица. Рядомъ съ нашей кибиткой такая же и для денщика. Вотъ что представляла собою устраивавшая насъ кибитка. Тростниковый конусъ съ основаніемъ въ три сажени діаметромъ, высотой приблизительно сажени въ двѣ, окопанный неглубокимъ ровикомъ. Конусъ этотъ, обтянутый снаружи верблюжьими и устланный бараными шкурами, поверхъ конхъ положена кошма (родъ простого ковра), былъ обитъ съ внутренней стороны сырцовой шелковой матеріей. Изъ такой же матеріи, но болѣе плотной, устроены драпри, замѣнявшія входныя двери. Простой, некрашеный столъ, такой же деревянный

табуретъ и два сѣнника, покрытые коврами для спанья, вотъ и вся роскошь. Наши дорожные чемоданы дополняли незатѣйливое убранство нашей кибитки. Но жизнь въ ней, тишина, спокойствіе, все это намъ показалось раемъ послѣ шума и гама «Имперіала». Мы, дѣйствительно, чувствовали себя дома. Оставалось только привыкнуть къ температурѣ. Дѣло въ томъ, что днемъ, во время солнпека было дѣйствительно жарковато и душливо; но прекраснымъ средствомъ отъ такого неудобства являлась способность кибитки поворачиваться вокругъ неподвижно вбитаго посрединѣ ея отъ основанія до вершины тростниковаго кола. Съ солнечной стороны снаружи увеличивалось число верблюжьихъ шкуръ; дверь же или, вѣрнѣе, входное отверстіе перемѣщалось на противоположную сторону, давая такимъ образомъ притокъ свѣжему воздуху. Впрочемъ, въ особенно сильную жару и это мало помогало, потому что накаливалась самая почва.

Первымъ моимъ гостемъ, посѣтившимъ меня въ моемъ новомъ жилищѣ, былъ милѣйшій полковникъ Н. П. Линевицъ, принесшій на новоселье боченокъ чудеснаго вина и копченой аму-дарьинской лососины.

— Пришелъ посмотрѣть, какъ устроились въ непривычной обстановкѣ, — добродушно улыбаясь, говорилъ онъ.

— Да вотъ, какъ видите.

— Вы, кажется, вдвоемъ?

— Да, съ однимъ врачомъ. Насъ судьба свела съ нимъ въ вагонѣ по дорогѣ сюда.

— Ну, ужъ я вижу, чего вамъ не хватаетъ. Позвольте мнѣ дополнить ваше хозяйство. Вѣдь ночью бываетъ холодно?

— Да, иногда очень. Въ особенности послѣ сильной дневной жары.

— Пришлю вамъ маленькій калориферъ; у меня ихъ много. Очень полезная вещь: что-нибудь подогрѣть; долго держитъ тепло и запаха никакого, потому что спиртъ. А то ночью никакое одѣяло не согрѣетъ.

— Большое вамъ спасибо за ваши любезныя заботы.

— Не за что. Сейчасъ встрѣтилъ у большого арыка генерала. Какъ узналъ, что иду къ вамъ, сказалъ, что тоже собирается. Смотрите, какъ бы онъ на новоселье не преподнесъ вамъ коврика. Ему ихъ дѣвать некуда. Всякій бекъ ему дарить.

— Что это — бекъ?

— Это здѣшніе владѣтельные князьки, Они всѣ подъ началомъ у начальника уѣзда, подполковника Алиханова. Вы незнакомы? Познакомьтесь. Это очень интересный человѣкъ. Прекрасно разправляется съ этими майорами.

— Какъ съ майорами?

— Ну, да. Надо было какъ-нибудь вознаградить ихъ за отчужденіе земель подъ желѣзную дорогу. Всѣ они приняли русское подданство и ихъ произвели въ майоры, потому что густые эпюлеты

всякаго изъ нихъ забавляютъ. Ну, вотъ, смотрите, не удивляйтесь, когда увидите туркмена въ халатѣ, громадной папахѣ и майорскихъ эполетахъ. Это—беки. Они никогда не снимаютъ эполеты. Даже, кажется, почью. Это оказалось лучшимъ средствомъ сдѣлать ихъ преданными слугами Бѣлаго Царя, какъ они называютъ государя. Это придумалъ Скобелевъ. Онъ отлично зналъ желанія этихъ полудикарей. Надо было видѣть, какъ они, эти дикари, боготворили Скобелева. Не было такой жертвы, которую они бы не принесли ради Бѣлаго генерала! Какъ онъ овладѣлъ ихъ самолюбіемъ. На этой стрункѣ онъ могъ дѣлать изъ нихъ что угодно. Вотъ Алихановъ унаслѣдовалъ отъ него все его сбаяніе.

— Кто же тутъ еще остался изъ скобелевскихъ сподвижниковъ, кромѣ васъ, Николай Петровичъ?

— Да кто? Куропаткинъ—его начальникъ штаба, Левашевъ, этотъ устроился у Комарова, начальника сѣласти. Казакъ Денисовъ, лихой малый. Да вообще-то очень немного. Какъ уѣхалъ Скобелевъ, такъ точно бѣгство отсюда началось. Да, вотъ еще, чуть не забылъ,—вспомнилъ онъ,—Вѣра Николаевна!

— Это что же за дама?

— Это бывшая маркитантка нашего отряда. Весь походъ съ нами сдѣлала. Сколько разъ бывала подъ огнемъ. Молодецъ-баба. И любила же ее Скобелевъ. Теперь она здѣсь, въ Мервѣ, открыла магазинъ восточныхъ вещей; у нея можно достать хорошую бирюзу; ей персуюки доставляютъ дешево въ память ея трудовъ и въ благодарность за доставленную имъ возможность заработать въ нашемъ отрядѣ. Увѣряютъ, что она была очень близка къ Скобелеву. Но, я думаю, это вздорная слетня. Она его боготворитъ—это такъ. Да его всѣ обожали. Куропаткина—этого не слишкомъ-то долюбливали; зато онъ самъ всякими способами искалъ популярности. Но—далеко кулику до Петрова дня. Какъ-то не сумѣлъ ни расположить къ себѣ, ни внушить довѣрія. Говорятъ, куда-то уходитъ. Богъ съ нимъ. Это не военная душа, а какой-то австрійскій гофъ-крюгсъ-комиссаръ. Онъ только прекрасный исполнитель скобелевскихъ приказаній. Ну-съ, отрядныхъ-то офицеровъ еще много здѣсь. А такъ, болѣе или менѣе значительныхъ, никого нѣтъ. Однако я у васъ засидѣлся, а надо еще зайти въ караванъ-сарай. Посмотрѣть, нѣтъ ли чего хорошаго. На будущей недѣлѣ три дня рамазана, а потомъ праздникъ и большой базаръ. Вотъ, когда хотите, пойдемъ вмѣстѣ. Увидите здѣшніе нравы и товары, и игры. До свиданія. Милости прошу ко мнѣ, когда хотите,—всегда радъ буду.

— Спасибо, Николай Петровичъ. Непремѣнно приду. До свиданія.

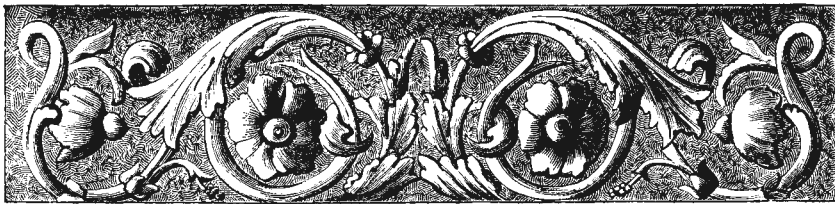
Георгій Миллеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ДЕКАБРЬ. 1909 Г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

IX.

А. М. Алихановъ.

ЧЕНЬ радъ познакомиться, — радушно встрѣтилъ меня средняго роста, плотный, коренастый подполковникъ. Рыжеватая борода и такіе же длинныя усы окаймляли симпатичное кавказское лицо. Правильный носъ и ротъ и блестящіе мыслію глаза, глубоко сидѣвшіе подъ большимъ открытымъ лбомъ, дополняли портретъ побѣдителя при Кушкѣ, браваго, безстрашнаго офицера, сподвижника Скобелева и Комарова.

— Мнѣ много говорилъ о васъ Николай Петровичъ, — продолжалъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Вы очень ему понравились.

— Это совершенно взаимно, полковникъ, — отвѣчалъ я. — Николай Петровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые съ перваго же взгляда приковываютъ къ себѣ.

— Да, это здѣсь всеобщій любимецъ. Вы, кажется, пріѣхали въ контроль. Такъ вотъ Линевичъ всегда улаживаетъ затрудненія между вашимъ Шульцемъ и генераломъ Анненковымъ, и затрудненія серьезныя. Анненковъ — орелъ, у него полетъ фантазіи, это сама энергія, самъ — трудъ; ну, а тотъ, вы извините, мало образованный, формалистъ, педантъ, укрывающій свое невѣжество подъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXVIII, стр. 448.

прочную защиту мелочныхъ, но законныхъ придирокъ. Эти придирки задерживаютъ гигантскую работу, что, конечно, сердить Анненкова. Отсюда масса столкновений, бумагъ, на которыя некому отвѣчать, потому что у Анненкова всякій занятъ живымъ дѣломъ, а не канцелярщиной. Простите мнѣ мою солдатскую откровенность.

— Ничего, полковникъ, продолжайте. Мнѣ очень полезно выслушать ваше независимое, искреннее мнѣніе.

— Да, я хвалю Бога моего, что не состою ни въ какихъ служебныхъ отношеніяхъ къ Шульцу, а то дѣло бы, пожалуй, дошло и до нагаекъ. Конечно, я шучу,—спохватился онъ.—Но все-таки онъ выводитъ изъ терпѣнія.

Я старался, какъ могъ и умѣлъ, оправдать моего бѣднаго начальника.

— Да что вы говорите: служба такая. Какая тамъ служба! Вотъ еще недавно моимъ бекамъ пришли подарки: золотые часы съ орлами изъ кабинета его величества. Такъ вѣдь онъ сколько времени задерживалъ выдачу ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что номера не сличены. А беки-то какъ дѣти. Ждутъ, не дождутся царскихъ подарковъ.

— Да, полковникъ, вы, говорятъ, съ ними мастерски умѣете ладить. Въ такой степени, что они и фамилію-то вашу передѣляли на свой ладъ: ханъ-Али, т.-е. ханъ отъ Бога.

— Уже вамъ успѣли на меня насиплетничать. Ничего себѣ, ладимъ; вѣдь я имъ и судья, и военный начальникъ, и землемѣръ, и что угодно, только что не мулла. Да вотъ позвольте мнѣ при васъ разобраться въ одномъ дѣлѣ. Тутъ двое ждутъ.

— Пожалуйста, я охотно посижу ради изученія нравовъ.

Онъ что-то закричалъ на какомъ-то мѣстномъ нарѣчій. На крикъ этотъ вошли два довольно пожилыхъ туркмена, въ халатахъ изъ сырцовой шелковой матеріи, въ такихъ же шароварахъ, сафьянныхъ сапогахъ съ собранными голенищами, при шашкахъ и въ серебряныхъ майорскихъ эполетахъ. Это и были два повздоровіе бека, добровольно избравшіе судьей Алиханова. По приглашенію хозяина, они усѣлись на тахту, и старшій началъ излагать дѣло. Видимо, что иногда мѣткій вопросъ полковника заставлялъ его краснѣть. Однако, другой не смѣлъ его перебивать и, внимательно слушая, ждалъ своей очереди. Особенностью его рѣчи было полное спокойствіе, полное отсутствіе какой бы то ни было жестикуляціи. Проговоривъ, что имѣлъ сказать, онъ поклонился Алиханову, приложивъ руку къ головѣ и сердцу.

Другой, въ свою очередь, не менѣе ровно и однообразно изложилъ возраженіе, которое закончилъ, какъ и первый, коснувшись рукою головы и сердца. Алихановъ, казалось, задумался. Затѣмъ медленно, какъ бы произнося приговоръ, каждое слово котораго

было взвѣшено и продумано, онъ объявить свое рѣшеніе. Повидимому, тяжущіеся остались довольны, такъ какъ оба, примиренные, низко кланяясь судѣ, удалились.

— Вотъ и все,—сказалъ полковникъ.

— Да въ чемъ было дѣло?—полюбопытствовалъ я.

— Такихъ дѣлъ сколько угодно. Сынъ одного хотѣлъ жениться на дочери другого. Калымъ, т.-е. выкупъ за невѣсту, былъ установленъ. Но потомъ отецъ жениха нашелъ калымъ несоотвѣтственнымъ приданому и не разрѣшалъ сыну похитить невѣсту. Такимъ образомъ дѣвушка была скомпрометирована и уже здѣсь никогда бы не вышла замужъ, а была бы продана въ какое-нибудь чужое, дальнее семейство, гдѣ ее ожидала бы далеко не красная жизнь. Вотъ отецъ ея и пришелъ ко мнѣ искать спасенія чести дочери.

— Какъ же вы ихъ разсудили?

— Да они оба богатые. Отецъ невѣсты прибавилъ, отецъ жениха уступилъ. То-есть я имъ прямо назначилъ цѣну. Прочелъ имъ нотацию, устыдилъ: какой же это примѣръ другимъ, если слуги Бѣлаго царя будутъ ссориться и пререкаются изъ-за нѣсколькихъ барановъ или вообще изъ-за какой-нибудь корысти. Ну, конечно, пугнулъ, пообѣщавъ отнять эполеты, если не помирятся. Это имъ хуже всего. Помирились.

— А что они прикладывали руки ко лбу и сердцу?

— Это у нихъ въ родѣ нашей присяги, или, вѣрнѣе, клятвы. Они клянутся, что исполнять мой приговоръ. Это, такъ сказать, вѣжливость въ отношеніи меня. Эти двое еще сговорчивые люди. Иногда попадаются такіе, которыхъ не проймешь никакимъ словомъ. Ну, дѣлать нечего. Приходится прибѣгать къ помощи казаковъ съ нагайкою, и только тогда они становятся шелковыми и прославляютъ мое правосудіе. Вотъ особенно трудно расправляться съ бухарскими евреями; это народъ во сто разъ хуже всякаго русскаго или польскаго жида. Пронырливый плутъ, хитрый, онъ перессоритъ нѣсколькихъ туземцевъ и настоитъ на своемъ, причемъ надуетъ всѣхъ. Ну, тутъ ужъ я безпощаденъ. Вотъ они меня бояться. Пойдемте на базаръ. Кажется, кстати сегодня есть базаръ. Увидите сами.

— Съ большимъ удовольствіемъ; подъ вашимъ покровительствомъ охотно пойду.

— Эй, вѣстовой!—закричалъ Алихановъ.—Приготовься на базаръ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

X.

На базарѣ.

Кто никогда не бывалъ въ Средней Азіи и не знакомъ съ особенностями торговли произведеніями данной мѣстности, тому и въ голову не придетъ, что такое базарный торгъ въ Мервѣ, Асхабадѣ и тому подобныхъ большихъ центрахъ. Если между базаромъ въ городѣ европейскомъ и русскомъ неизмѣримая разница, то между таковыми въ русскомъ и среднеазиатскомъ городѣ почти нѣтъ общихъ чертъ. Не говоря уже о томъ, что построекъ, какъ бы первобытны онѣ ни были, не видно и признака, не ожидайте встрѣтиться съ какими-либо восточными шатрами,—этого вы не увидите; въ лучшемъ случаѣ родъ парусиннаго зонтика служить вамъ укрытіемъ отъ палящихъ лучей солнца. Необозримая степь, удѣлившая небольшой клочокъ, на которомъ толчется нѣсколько тысячъ самаго разноплеменнаго люда. Тутъ и текинecъ, и сартъ, и туркменъ, и іомудъ, и персъ, и армянинъ, и всякій въ своемъ національномъ костюмѣ. Время отъ времени попадется китаецъ или афганецъ. Но эти какъ-то всегда держатся въ сторонѣ. Главнымъ образомъ торговцы-перекупщики это бухарскіе евреи. За ними по торговымъ оборотамъ слѣдуютъ персы. У бухарскаго еврея можно достать рѣшительно все: отъ верблюда и фазана до полного костюма и головного убора. Персы—тѣ торгуютъ тонкими тканями, хорошими мѣхами, каракулями всевозможныхъ цвѣтовъ и драгоценными камнями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ бирюза. У туркмена вы можете купить всякую глиняную посуду самыхъ прихотливыхъ фасоновъ. Вотъ іомудъ раскинулъ по степи и увѣсилъ своихъ верблюдовъ чудными бѣлыми коврами художественныхъ рисунковъ. Стрижка этихъ ковровъ прямо изумительна. Если припомнить, что въ аулахъ Средней Азіи нѣтъ многомилліонныхъ фабрикъ съ усовершенствованными машинами, а эти чудные ковры ручная работа текинскихъ и іомудскихъ женщинъ, то, право, не знаешь, чему отдать преимущество: культурѣ-фабрикѣ или труду почти первобытнаго, полудикаго человѣка. Конечно, особенно красивыхъ ковровъ мало, да они и дороги. Но болѣе простой ткани, такъ называемой кошмы, сколько хотите, и дешево. Базаръ также изобилуетъ шелкомъ-сырцомъ: платки, одѣяла, халаты, шаровары, словомъ, всякое шелковое одѣяніе въ большомъ количествѣ. Все это не скучено, а, напротивъ того, разложено такъ, что очень удобно осматривать, даже и не подходя близко. Папахи, высокія и низкія, бараньи, верблюжьи, каракулевыя—красивыми рядами ласкаютъ глазъ покупателя. Но что всего цѣннѣе, это полное отсутствіе какой-либо навязчивости или почти насильственнаго предложенія

своего товара. Съ сознаниемъ своего достоинства, молча, величаво ходитъ купецъ въ своихъ рядахъ. Скажетъ цѣну—уступки никакой. Да и не можетъ быть, потому что товаръ хорошій и уступить—значило бы уронить достоинство своего слова. Подарить гостю или прїѣзжему человѣку это другое дѣло, и на такой поступокъ способенъ всякій туземецъ, кромѣ бухарскаго еврея и армянина. Или же, весь обложенный и увѣшанный бирюзой, яшмой, гранатами и другими самоцвѣтными камнями, гордо поглядывая вокругъ себя, сидитъ, поджавъ ноги, краснобородый, съ красными ногтями на рукахъ и жемчужными зубами, въ высокой, остроконечной каракулевой шапкѣ огнепоклонникъ-персѣ. Какая бы ни была жара, хотя бы палящіе лучи солнца, казалось, заживо покушаются васъ поджарить, передъ нимъ все-таки небольшая жаровня съ вѣчно тлѣющими угольями—предметомъ его обожанія. Не слышно обычной нашимъ рынкамъ и базарамъ брани и ругани; тихо; только какой-то неопредѣленный гулъ обличаетъ присутствіе нѣсколькихъ тысячъ живыхъ существъ, да изрѣдка, раздраженный не вполне корректнымъ съ нимъ обращеніемъ, застонетъ верблюдъ. Но что это собралась толпа? Что за звуки понеслись съ той стороны? Это бродячіе музыканты, перебравшіеся сюда черезъ Каспій съ Кавказа, улаживаютъ слухъ нашъ игрой на зурнѣ, саазѣ и какомъ-то деревянномъ инструментѣ, названія котораго я теперь не припомню. Пѣвучіе звуки сааза изливаютъ мелодію, аккомпанируетъ зурна, и изрѣдка врываются въ пѣсню рѣзкіе отзвуки деревянныхъ клавишъ. Старый грузинъ, не то капельмейстеръ, не то первый пѣвецъ этого оригинальнаго оркестра, заунывно затянулъ какую-нибудь пѣсню; меланхолически подыгрываетъ ему саазъ. Бросили торгъ слушатели; тѣсною толпой обступили трубадура и внимаютъ его пѣснѣ, не понимая ея словъ, но, чувствуя въ ней что-то хорошее, доброе, сердечное, невольно, съ заискрившимися на глазахъ слезами, принимаютъ въ ней участіе...

Но замираютъ послѣдніе, рыдающіе звуки сааза; всякій по мѣрѣ средствъ старается вознаградить пѣвца за удовольствіе; тенги, краны и русское серебро наполняютъ его тарелку. Вкусныя, спѣлыя дыни и куски чурека и шашлыка утоляютъ его голодъ, а длинногорлый глиняный кувшинъ утолитъ его жажду чистымъ винограднымъ сокомъ.

Между тѣмъ желающимъ готово уже другое развлеченіе. Вотъ въ сторонкѣ разостланъ на землѣ коверъ. На одномъ изъ его угловъ установлена изъ четырехъ кусковъ шелковой шали ширма; изъ нея несутся какіе-то дикіе звуки, служащіе призывомъ для охотниковъ до развлеченій. Когда зрителей набралось достаточное количество и они уже шумными возгласами выражаютъ свое нетерпѣніе, изъ-за этой ширмы появляется тощая, длинная фигура брамина-индуса. Поклонившись на всѣ стороны, онъ начинаетъ показы-

вать различные фокусы: пропускаетъ сквозь щеку иголку, вынимаетъ до извѣстныхъ предѣловъ глазъ изъ глазной впадины, садится на землю и, обхвативъ свои ноги руками, превращается въ катящийся по всѣмъ направленіямъ клубокъ; наконецъ выноситъ изъ-за ширмъ какіе-то причудливаго вида предметы и изъ нихъ строить верблюда, коня, текинца. Полудикіе посѣтителі базара, которыхъ жизнь не баловала зрѣлищами болѣе совершеннаго вкуса,—въ восторгѣ.

Незамѣтно летитъ время; уже солнце пачипаетъ закатываться. Торговцы собираютъ свои товары, и нагруженные ими верблюды идутъ, мѣрно покачиваясь, на почлегъ въ каравансарай, гдѣ найдутъ укрытіе отъ могущаго быть почью вѣтра, поднимающаго тучи мелкаго солончака. Пустѣетъ обширная равнина, и только тамъ и сямъ по берегу Мургаба раскладываются костры. То торговцы фруктами и глиняной посудой, торгъ которыхъ не окупаетъ расходовъ по каравансарая, остаются ночевать въ степи и зажгли огни въ защиту отъ мошкеры, фалангъ, скорпіоновъ и прочихъ ночныхъ властителей Средней Азіи. Описанными развлеченіями еще не исчерпываются удовольствія базара. Въ послѣдній день праздника обыкновенно бываютъ скачки, состязанія на кольцо, на козла, бой на копьяхъ верхомъ и другія упражненія въ ловкости. Изъ нихъ самое интересное и оригинальное—игра въ козла. Въ огражденный кольями участокъ степи, приблизительно полверсты въ квадратѣ, выпускается живой красивый козель съ вызолоченными рогами, весь изукрашенный лентами. Козель, повидимому, бывалый, потому что спокойно, не обращая вниманія на окружающую его тысячную толпу, разгуливаетъ по огороженной площадкѣ и то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ подходитъ къ публикѣ, выражая знаки своего расположенія. Минуть черезъ десять послѣ его выхода на сцену выѣзжаютъ пять лучшихъ мѣстныхъ наѣздниковъ. Пока они гарцуютъ по всѣмъ направленіямъ, козель тоже безвозбранно разгуливаетъ. Но раздается звукъ трубный. Козель спокойно идетъ на средину; онъ знаетъ свое дѣло и, равнодушно покачивая золотыми рогами, ждетъ своей участи. Онъ вполнѣ увѣренъ, что вреда ему не будетъ; напротивъ, по окончаніи турнира его ждетъ вкусная закуска. Наѣздники кучей мчатся къ нему. Если ни одному не удалось запятъ перваго мѣста, такъ какъ другіе все время мѣшаютъ кандидату на первенство, то всѣ, не задѣвъ цѣли, проскакиваютъ мимо. Но вотъ вырвался изъ кучи удалецъ, опередилъ товарищей шаговъ на пятьдесятъ, подскакиваетъ къ козлу и на всемъ скаку хватается его за шиворотъ, кладетъ себѣ на сѣдло и мчится съ нимъ далѣе. Его догоняютъ другіе, стараясь овладѣть его добычей. Нѣсколько разъ козель переходитъ изъ рукъ въ руки. Все дѣло въ томъ, что онъ долженъ быть безусловно невредимъ. Малѣйшее его пораненіе считается позорнымъ для

всѣхъ участниковъ состязанія. Борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока одному изъ наѣздниковъ удастся положить козла такъ, какъ дамы носятъ боа, то-есть, перекинувъ его за плечи, свѣсить его ноги на грудь. Крики,—нѣтъ, восторженный ревъ толпы привѣтствуетъ побѣдителя. Только съ наступленіемъ ночи картина рѣзко мѣняется. вмѣсто криковъ и шума наступаетъ мертвая тишина и только тамъ и сямъ тлѣющіе костры и замирающіе звуки сааза даютъ знать о присутствіи заночевавшихъ въ степи людей. Небо покрывается мириадами яркихъ, блестящихъ звѣздъ... Въ воздухѣ штиль... Вдали журчитъ Мургабъ...

XI.

Командировка.

— Вамъ придется ѣхать въ Кизиль-Арватъ,—обратился ко мнѣ Шульцъ, къ которому я явился по его приглашенію, сообщенному мнѣ курьеромъ.

— Слушаюсь; но позвольте узнать, съ какою цѣлью.

— Охъ, цѣль-то очень важная. Тамъ есть главный складъ всякихъ матеріаловъ-то. Ну, вотъ. Вы посмотрите, какіе-то верблюды куплены. Надо ихъ освидѣтельствовать и записать на приходъ. Но главное—актъ. Составляйте актъ непременно, какіе бы ни были верблюды.

— Очень хорошо. Но вѣдь я могу только удостовѣрить число. Качество—дѣло ветеринара.

— Ахъ, да. Ветеринарный докторъ. Я пошлю объ этомъ телеграмму.

— Особыхъ инструкцій не будетъ?—спросилъ я, зная слабость Шульца къ такимъ инструкціямъ.

— Ну, какъ же не будетъ?—удивился онъ.—Это дѣло серьезное. Тутъ полсотни верблюды по семьдесятъ пять рублей штука; это уже будетъ большая сумма-то. Но вы, то-есть мы, на это не должны смотрѣть. Намъ все равно, сколько за вещь заплачено, если только вещь стоитъ деньги. Для насъ очень важная роль, если правильно составленъ пріемочный актъ, чтобы казна не терпѣла отъ убытковъ. Вы понимаете? Главная задача—убытки,—пояснилъ онъ.—Вамъ случалось бывать на пріемкахъ: такъ вы и тутъ поступайте. Вы увидите верблюдовъ: сейчасъ его въ актъ и въ казну. Для ветеринарнаго отношенія тамъ будетъ докторъ, который ужъ посмотритъ, какъ его здоровье; это не наше дѣло. А ваше, то-есть наше, дѣло—цыфра. Цыфра вѣрно—ревизія вѣрно,—торжествующе заключилъ онъ.

Признаться, я мало понялъ изъ его словъ о задачахъ контроля; да и, насколько могъ заключить изъ его безсвязной рѣчи, инструк-

ція эта отнюдь не соотвѣтствовала вообще какому-нибудь путному дѣлу и развѣ только поэтому могла назваться особой. Но дѣло было мнѣ знакомо и, получивъ открытый листъ, я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Кизиль-Арватъ.

Почти трехдневный путь не утомилъ, потому что было не особенно жарко, и вагоны не накалились.

Кизиль-Арватъ представлялъ собою поселокъ съ нѣсколькими тысячами жителей-туземцевъ; остальное населеніе составляли войска и служащіе на желѣзной дорогѣ и въ частныхъ страховыхъ контрактахъ. Тѣ же постройки изъ сырцоваго кирпича съ глиняными заборами; то же отсутствіе растительности. Первое, что бросается въ глаза,—два каменныхъ столба съ перекладиной, сильно напоминающіе висящую,—колодезь. Архитектура станціи ни дать, ни взять—мѣсто одиночнаго заключенія. Недалеко отъ станціи дощатый заборъ окружалъ большой каменный сарай; какъ оказалось впоследствии, это и было цѣлью моего приѣзда—главный складъ. Въ полуверстѣ позади главнаго склада видѣлся довольно высокій, поросшій саксауломъ, наносный песчаный холмъ.

Повидимому, приѣздъ мой не составлялъ тайны, такъ какъ едва успѣлъ я выйти изъ вагона и въ нерѣшительности не зналъ еще, въ какую сторону идти, какъ ко мнѣ подошелъ солдатикъ, предупредительно взявъ изъ рукъ моихъ чемоданчикъ и доложилъ:

— Ваше высокоблагородіе, полковникъ просили васъ къ нимъ на квартиру.

— Какой полковникъ?

— Такъ точно. Полковникъ Султановъ. Они изволятъ управлять главнымъ складомъ. Вѣдь вы насчетъ верблюдовъ?—домекнулся онъ.

— Да, насчетъ верблюдовъ. Вотъ что, любезный, укажи мнѣ, гдѣ бы тутъ помыться и пообчиститься, а ужъ потомъ и къ полковнику.

Услужливый солдатикъ повелъ меня въ какое-то помѣщеніе, раздобылъ что-то въ родѣ умывательнаго прибора, и, въ полчаса освѣжившись и оправившись, отправился я къ полковнику.

Полковникъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно.

— Да что за церемоніи,—пенялъ онъ.—Шли бы прямо ко мнѣ. У меня бы и помылись, и все такое. Вѣроятно, это все дуракъ денщикъ напуталъ. Эй, Коврига!—позвалъ онъ.—Сказано тебѣ было: тащи ревизора ко мнѣ.

— Такъ точно, я докладывалъ. Такъ что, ваше высокоблагородіе, они не пожелали.

— Не пожелали!—передразнилъ онъ вѣстового.

— Не беспокойтесь, полковникъ. Я къ вамъ по дѣламъ службы.

— Да что, дѣла службы никуда не уйдутъ. А съ дороги слѣдуетъ выпить и закусить. Мы сейчасъ позавтракаемъ—и за дѣло.

— Я предпочелъ бы сперва покончить дѣло, а тамъ уже на свободѣ,—не рѣшался я принять его приглашеніе, хотя, правду сказать, ѣсть очень хотѣлось.

— Экой какой вы несговорчивый,—сѣтовалъ полковникъ.— Ну, да ужъ Богъ съ вами. Вы, вѣроятно, по поводу верблюдовъ?

— Да, именно по поводу верблюдовъ.

— Ну, такъ это мы живо покончимъ. Тутъ со вчерашняго дня еще докторъ по этому же дѣлу.

— Отлично. Стало быть, можно ихъ сейчасъ осмотрѣть и составить актъ?

— Составить актъ исполнѣ возможно. А вотъ осмотрѣть ихъ трудненько.

— Какъ трудненько? Почему?—недоумѣвалъ я.

— Да, видите, съ ними вышелъ казусъ. Купилъ я ихъ на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, честь честью уплатилъ деньги и взялъ съ этого ишака расписку въ полученіи денегъ. Вотъ она,—вынулъ онъ изъ бумажника какой-то клочокъ бумаги.—Ну-съ, вотъ стоятъ мои верблюды до утра субботы; гляжу на нихъ—сердце радуется. Сильные, молодые. Въ субботу заболѣваетъ одинъ, другой, третій, и къ вечеру вмѣсто верблюдовъ одна падалъ: всѣ до одного сдохли. Не вѣрите? Ей-Богу, я и актикъ составилъ. Такъ вотъ къ вечеру, даже,—хочу быть точнымъ,—къ ночи, собралъ я ихъ въ кучу. Тотъ же Кербелай и помогалъ.

— Какой Кербелай?

— Да продавецъ. Гуртовщикъ-татаринъ. Тутъ ихъ много. Еще онъ скорбѣлъ. Не везетъ тебѣ, бачка, говорить. Собралъ я ихъ, думалъ утромъ шкуры содрать, если ветеринаръ позволитъ. Вѣдь на это тоже разрѣшеніе надо, то-есть, иначе сказать: подсуны ветеринару. Только не пришлось. Ночью подулъ сильный вѣтеръ, и ихъ, голубчиковъ, занесло солончакомъ. Вотъ въ окно и холмикъ виденъ,—указалъ онъ мнѣ на видѣнный мною уже ранѣе холмъ, поросшій саксауломъ.

— Это, дѣйствительно, небывалый случай,—согласился я.— Что же вы, полковникъ, телеграфировали объ этомъ генералу?

— Не успѣлъ, потому что получилъ телеграмму о вашемъ прибытіи и о докторѣ. Вотъ онъ тоже не знаетъ, какъ поступить.

— Что же тутъ затруднительнаго? Сейчасъ же, со словъ вашихъ я составляю актъ; приложимъ къ нему расписку. Вы, будьте любезны, пригласите къ подписи акта почтенныхъ свидѣтелей всего происшествія. Отправимся къ холму; можетъ быть, выроемъ хоть одинъ трупъ.

Полковникъ понялъ насмѣшку.

— Ну, ужъ это аттанде!—воскликнулъ онъ.—У меня и рабочихъ нѣтъ раскапывать курганъ. Да что тутъ ссориться. Мы, господинъ ревизоръ, тутъ живемъ дружно. Другъ другу ямы не роемъ.

Свидѣтелей никакихъ я искать не стану. Кербелай уѣхалъ въ Баку. Откуда я вамъ возьму? Плюньте-ка на эту мелочь; пойдѣмъ, закусимъ, а актикъ потомъ составимъ, какой надо, общими силами. Въ убыткѣ не будете.

Пораженный, я не зналъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ откровеннымъ нахаломъ, или просто съ самымъ беззастѣнчивымъ воромъ?

— Простите, полковникъ. Я на это согласиться не могу. Никакого акта составлять не буду, а прямо донесу объ этомъ происшествіи рапортомъ по начальству.

— Оно и лучше,—обрадовался онъ.—Дойдетъ дѣло до бумаги, а она, матушка, все терпитъ. Мы съ вами оба умремъ, пока дѣло кончится. Любезное дѣло. Такъ, стало быть, теперь можно закусить? Пожалуйте,—приглашалъ онъ.—Сейчасъ и докторъ подойдетъ.

Какъ ни противенъ былъ мнѣ этотъ господинъ, но крайность вынудила меня позавтракать у него, тѣмъ болѣе, что поѣздъ въ это время уже ушелъ и поѣсть было рѣшительно негдѣ. Завтракъ, конечно, былъ превосходный.

Опытный полковникъ оказался вполнѣ правымъ: я уѣхалъ изъ Закаспійскаго края въ Россію, а дѣло о верблюдахъ еще не было кончено.

ХІІ.

Печальное сказаніе о дуэли.

Единственнымъ развлеченіемъ для человѣка интеллигентнаго въ тѣ далекія времена въ Мервѣ было посѣщеніе изрѣдка военнаго собранія. Ни театра, ни другого общественнаго собранія, гдѣ бы можно было скоротать вечеръ, не было. Впрочемъ, виновать. Нѣсколько гостиницъ предоставляли человѣку съ неприхотливымъ вкусомъ возможность убить не только вечеръ, но даже и ночь; но существеннымъ условіемъ для этого являлась необходимость привести себя въ значительно повышенное настроеніе, когда, какъ говорится, по колѣно море. Прежде всего, начиналось развлеченіе поздно, часовъ въ десять-одиннадцать вечера; затѣмъ посѣщалось публикой почти исключительно военной, небольшихъ чиновъ. Въ качествѣ завоевателей края, такъ сказать, героевъ, эти господа не признавали и въ трезвомъ видѣ ни въ комъ, не пошившемъ военнаго мундира, человѣка, а послѣ уничтоженія большого количества вина не знали никакихъ границъ разнузданности, въ такой степени, что встрѣчаться съ ними мирному гражданину было небезопасно, тѣмъ болѣе, что у всякаго имѣлся въ карманѣ заряженный револьверъ. Съ одиннадцати часовъ вечера начинался самый дикій разгулъ. Публика и артисты, исполнявшіе преимущественно цыганскіе романсы, двусмысленные куплеты и циническія пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары и балалаекъ, къ этому времени были уже сильно

взвинчены. Нерѣдко увлеченный талантомъ пѣвицы слушатель тутъ же выражалъ ей поцѣлуемъ, и еще болѣе ярко, свое одобреніе. Если прибавить къ этому, что разборъ артистовъ былъ очень невысокъ, то станетъ понятнымъ, что въ такое заведеніе тянуло не особенно.

Чтобы попасть въ военное собраніе, не нужно было никакихъ особыхъ рекомендацій, потому что всѣ пришлые обитатели Мерва были между собою болѣе или менѣе знакомы. Въ собраніи, помѣщавшемся въ довольно большомъ одноэтажномъ домѣ, иногда устраивались любительскіе спектакли, импровизированные концерты, безъ претензій, кто какъ можетъ и умѣетъ. Но въ дни, свободные отъ спектаклей и концертовъ, сцена превращалась въ столовую, и на ней накрывались столы для желающихъ ужинать.

Къ семи часамъ вечера наша компанія сослуживцевъ по контролю собралась въ военное собраніе и скромно усѣлась винтить.

— Знаете, господа,—предложилъ я:—намъ надо заказать ужинъ теперь же, а то потомъ публика прибудетъ, и можетъ не хватить провизіи. Предлагаю кабаньи котлеты съ каперсами. Ихъ здѣсь очень хорошо жарять на вертелѣ.

Мое меню было принято, и заказъ данъ.

Время отъ времени мы бросали карты и шли въ залъ послушать пѣніе мѣстныхъ Патти, женъ и дочерей завоевателей края. Незамѣтно прошелъ вечеръ, и около полуночи вѣстовой пришелъ доложить намъ, что кушать подано. Покончивъ съ картами, мы двинулись въ столовую. Къ удивленію нашему, за столомъ, указаннымъ намъ вѣстовымъ, какъ накрытый для насъ, уже сидѣла компанія офицеровъ съ дамами и не безъ аппетита кушала. Предположивъ ошибку, мы потребовали у солдатики объясненій.

— Никакъ нѣтъ, господа, не ошибся,—оправдывался онъ.—Я докладывалъ господамъ офицерамъ, что этотъ столъ накрытъ для васъ, но капитанъ Куриловъ сказали: «Наплевать. Мы забыли заказать ужинъ, а ѣсть хочется; такъ что же стѣсняться. Мы съѣдимъ и заплатимъ. Не все ли равно? Тѣмъ болѣе—собраніе наше, и мы, офицеры, тутъ хозяева».

Тогда я подошелъ къ сидѣвшимъ за ужиномъ офицерамъ.

— Извините, господа,—обратился я къ нимъ.—Произошла ошибка. Этотъ ужинъ заказанъ нами.

— Никакой ошибки,—отвѣчалъ капитанъ Куриловъ.—Просто мы сѣли и сидимъ. Садитесь за другой столъ и кушайте на здоровье!

— Благодарю васъ за радушное разрѣшеніе. Но теперь уже поздно и, конечно, ничего достать нельзя,—пытался я урезонить безцеремоннаго Марса.

— Эка важность! Кушайте холодныя закуски и пейте водку. Вотъ и все!—не унимался Куриловъ.

— Куриловъ,—вмѣшался другой офицеръ.—Ты говоришь вздоръ. Ужъ если ты вовлекъ насъ въ непріятную ошибку, увѣривъ, что ужинъ заказанъ тобою, то твоя прямая обязанность извиниться передъ ними за насъ.

— Извиниться? Ну, ладно. Что значить извиниться,—недоумѣвалъ Куриловъ.—Вѣдь не могу же я отдать кабаньихъ котлетъ?! Я ихъ съѣлъ. А въ такомъ видѣ,—пытался онъ острить, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ,—врядъ ли?.. Хорошо. Извините,—обратился онъ ко мнѣ:—что мы съѣли ваши кабаньи котлеты...

— Не беспокойтесь, капитанъ,—прервалъ я его.—Вы, очевидно, стѣсняетесь. Васъ затрудняетъ форма извиненія. Но не въ формѣ дѣло. Ваше присутствіе намъ вполне замѣняетъ утраченное блюдо. Считаю вопросъ исчерпаннымъ.

— Такъ вы не сердитесь. Ну, прекрасно.

— Ни малѣйше!

Поклонившись дамамъ, мы ушли въ буфетъ. Дѣлать нечего; спросили себѣ холодной закуски, кахетинскаго вина и усѣлись пережевывать впечатлѣнія вечера.

Скромный нашъ ужинъ подходилъ къ концу, какъ изъ столовой идутъ къ намъ два офицера: баронъ Т. и М.

Баронъ подошелъ ко мнѣ.

— Господинъ Миллеръ,—началъ онъ.—Дамы объяснили Курилову, что вы сказали ему что-то оскорбительное. Поэтому капитанъ проситъ васъ взять свои слова назадъ.

— Если нужно было объяснять почтенному капитану значеніе моихъ словъ,—отвѣчалъ я:—то, согласитесь, баронъ, нѣтъ никакой надобности брать ихъ назадъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами,—отвѣчалъ баронъ.—Куриловъ вполне заслужилъ вашу отвѣдь. Онъ велъ себя крайне некорректно. Да у насъ вообще считаютъ его за идіота. Но что дѣлать: онъ носитъ мундиръ, а дамы такъ его настроили, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ.

— Позвольте предложить вамъ, господа, стаканъ вина.

Офицеры усѣлись, выпили съ нами вина. Поболтавъ съ четверть часа о томъ и семъ, они встали.

— Мы постараемся убѣдить Курилова, что онъ не правъ. До свиданія.

Было уже около часа ночи, когда мы вышли въ переднюю. Одѣвая пальто, я почувствовалъ, что кто-то сильно толкнулъ меня въ спину. Предполагая неосторожнаго вѣстового, я сдѣлалъ соотвѣствующее внушеніе.

— Нѣтъ-съ! Это не вѣстовой. Это я васъ нарочно толкнулъ,—обидѣлся Куриловъ, очутившійся тутъ.—Прошу не смѣшивать меня съ вѣстовымъ. Завтра пришло вамъ секундантовъ.

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ,—отвѣчалъ я.

Подивившись странному способу вызова на дуэль и не придавая этому инциденту никакого значенія, мы вышли на улицу. Чудная, тихая, теплая ночь. Небо усыяно мириадами звѣздъ. Откуда-то, вѣроятно, изъ мѣстнаго кафе-шантана «Имперіаль» или «Славянскаго Базара», доносятся звуки цыганскаго романса и зурны, подъ аккомпаниментъ которыхъ мы потихоньку добрались до дому.

На утро я уже совсѣмъ собрался идти на службу, какъ денщикъ доложилъ мнѣ, что два офицера желаютъ меня видѣть. Я приказалъ просить ихъ войти въ кибитку. Вошли два вчерашнихъ знакома: баронъ и М.

— Очень радъ васъ видѣть, господа. Прошу садиться,—привѣтствовалъ я вошедшихъ.

— Представьте себѣ,—началъ баронъ:—что Куриловъ не унимается и послалъ насъ съ вызовомъ на дуэль.

— Что жъ? Дуэль—такъ дуэль; я къ услугамъ капитана.

— Но вѣдь штука въ томъ, что Куриловъ страшный трусъ, и, если бъ не дамы, ему и въ голову бы не пришло драться.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я повторяю, что согласенъ драться на чемъ, когда и гдѣ угодно. Секундантами моими будутъ: Мировичъ и Чарнецкій. Условьтесь, господа, съ ними, и дѣлу конецъ.

— Куриловъ очень проситъ, чтобы вы взяли съ собой врача.

— Для душевно-больныхъ? Это потому. Да врядъ ли тутъ есть спеціалистъ.

Офицеры разсмѣялись.

— Хорошо, успокойте милѣйшаго капитана: будетъ врачъ. Не нужно ли и священника?

И вотъ черезъ два дня два парныхъ фэтона доставили дуэлистовъ въ Байрамъ-Али. На берегу широкаго арыка, недалеко отъ роскошныхъ хлопчатыхъ плантацій состоялась моя дуэль.

На предложеніе примириться я отвѣчалъ, что такъ какъ я съ капитаномъ Куриловымъ не ссорился, то не вижу надобности и мириться.

— Такъ вы не хотите ни за что мириться,—настаивалъ Куриловъ.—Странно?!

— Будьте любезны, капитанъ, вести переговоры черезъ секундантовъ.

— Примиреніе не состоялось,—возгласилъ баронъ.—Противники имѣютъ тянуть жребій.

— Отказываюсь отъ перваго выстрѣла,—заявилъ я.

— Я тоже отказываюсь,—воскликнулъ Куриловъ.

— Но, вѣдь, тогда дуэль не можетъ состояться,—вступился Мировичъ.

— Предлагаю одновременный выстрѣлъ по счету три,—рѣшилъ баронъ.

Дали намъ въ руки по пистолету, поставили на пятнадцати шагахъ.

— Разъ, два, три,—раздался голосъ барона, и вмѣстѣ съ нимъ послышался выстрѣлъ Курилова, пуля котораго задѣла мнѣ лѣвое бедро. Я, конечно, не стрѣлялъ. Зажавъ платкомъ рану, я пошелъ къ фэзтону, гдѣ ожидалъ докторъ. По дорогѣ, чтобы разрядить револьверъ, я выстрѣлилъ въ стаю галокъ.

— Это новое оскорбленіе,—кричалъ Куриловъ.—Вы не хотѣли стрѣлять въ меня, а убили галку. Вызываю еще разъ.

— Прошу предоставить мнѣ выборъ цѣли, капитанъ. Я не обязанъ драться съ вами пять разъ, и могу только пожалѣть, что наше знакомство такъ плачевно кончилось.

— Мы, какъ секунданты, заявляемъ, что г. Миллеръ ничѣмъ не нарушилъ правилъ поединковъ и не обязанъ больше драться. Куриловъ опустилъ голову.

— Такъ, по-вашему, можно мнѣ плевать въ морду?—спросилъ онъ, обращаясь къ офицерамъ.

— Чего ты лѣзешь? Вѣдь до этого еще не дошло? Успокойся,—былъ отвѣтъ.

— Господа,—обратился я къ секундантамъ.—Надѣюсь, вы не забыли обѣщанія вашего быть у меня сегодня?

— Благодаримъ. Будемъ непремѣнно.

Мы разъѣхались.

XIII.

Послѣдствія дуэли.

Какъ ни благополучно и мирно кончился мой поединокъ, все-таки онъ не остался безъ послѣдствій. Я былъ вызванъ въ Петербургъ и послѣ хорошей головомойки причисленъ къ государственному контролю временно, безъ содержанія. Очень трудно было существовать, не имѣя опредѣленнаго заработка. Въ это время я познакомился съ редакторомъ-издателемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Г. Авсеенко. Мои рассказы о порядкахъ въ Закаспійскомъ краѣ, о постройкѣ тамъ желѣзной дороги, о тамошнихъ нравахъ очень заинтересовали его, и онъ предложилъ мнѣ написать рядъ статей по поводу того, чему я только что былъ очевидцемъ. Статьи эти были напечатаны въ названной газетѣ подъ заглавіемъ: «Съ далекихъ окраинъ». За ними послѣдовалъ рядъ другихъ статей на тему: повѣсть о Закаспійской желѣзной дорогѣ, и наконецъ, когда печатались статьи на тему: желѣзныя дороги и контроль, въ одно прекрасное утро я былъ позванъ къ генералъ-контролеру А. П. Иващенкоу. За это время произошли большія перемѣны въ высшихъ чинахъ контроля. Ушелъ Д. М. Сольскій, и его мѣсто занялъ Т. П. Филипповъ, бывший до тѣхъ поръ его помощникомъ. Назначеніе Филиппова выдвинуло рядъ людей иного типа, и только во главѣ желѣзно-дорожнаго дѣла остался вызвавшій меня Иващенкоу. Въ назначен-

ный часъ не безъ трепета вошелъ я въ его кабинетъ. Первое, что я увидѣлъ, была пачка нумеровъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», прикрытыхъ какою-то толстою книгою. Я отчасти понялъ, въ чемъ дѣло, и предвкусалъ бесѣду.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ меня Анатолій Павловичъ, подавая мнѣ руку.

— Добраго здоровья вашему превосходительству. Что изволите приказать?—освѣдомился я.

— Вотъ что, батюшка. Статьи эти,—указалъ онъ на газеты,—вы пишете?

— Я.

— Зачѣмъ же вы пишете? Зачѣмъ вы выносите соръ изъ избы? Развѣ вы не могли подать обо всемъ этомъ записку или рапортъ, какъ полагается чиновнику? Вѣдь вы состоите на службѣ?—забросалъ онъ меня вопросами.

— Прежде всего, ваше превосходительство, я не преслѣдовалъ той цѣли, на которую вы указываете: я не выносилъ сора изъ избы, потому что все, что я печаталъ, не соръ, а правда, на которую ничего нельзя возразить. Далѣе, пишу я въ газетахъ потому, что это даетъ мнѣ заработокъ для поддержки моего существованія, а за записку или рапортъ я не получилъ бы ни одной копейки, какъ это и продолжается вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, несмотря на то, что состою на службѣ, подъ вашимъ начальствомъ.

— Какъ ни копейки?—изумился онъ. —Сколько вы получаете жалованья?

— Имѣю честь доложить, что вотъ болѣе двухъ лѣтъ, какъ я исполняю возлагаемая на меня работы, не получая за это ничего?

— Да, ничего! Ну, это, конечно, не много,—пошутилъ онъ. —Нѣтъ, ужъ я попрошу васъ бросить писательство, то есть служебнаго характера. Я прикажу вамъ выдать пособіе и назначу жалованье. А то, можетъ быть, хотите въ провинцію? Это вполне возможно.

— Позвольте объ этомъ подумать.

— Ну, подумайте и приходите ко мнѣ съ отвѣтомъ. Пособіе получите.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

— До свиданія. Такъ я считаю вопросъ о статьяхъ конченнымъ!

Вскорѣ послѣ этого разговора я былъ назначенъ въ Тифлисъ, гдѣ прослужилъ два года, и былъ переведенъ въ Минскъ, въ контроль Либаво-Роменской желѣзной дороги. Здѣсь мнѣ въ послѣдній разъ пришлось столкнуться съ очень оригинальнымъ начальникомъ С. Л. Халютинымъ. Восемь лѣтъ службы подъ его начальствомъ еще разъ показали мнѣ всю неподготовленность казны руководить дѣломъ желѣзныхъ дорогъ. У этого генерала была какая-то несчастная слабость къ составленію актовъ, протоколовъ и къ писанію проектовъ.

Одинъ изъ многихъ такихъ актовъ рассказывался долгое время и служилъ пріятнымъ развлеченіемъ въ скучныя минуты. Дѣло въ томъ, что либавскія мастерскія какъ-то выпустили изъ большого ремонта паровозъ, о чемъ сообщили въ контроль. Халютинъ самъ поѣхалъ осматривать отремонтированный паровозъ. Болѣе получаса ходила вся комиссія кругомъ новой машины. Въ техническомъ отношеніи паровозъ и не могъ подлежать ревизіи контроля, за отсутствіемъ въ немъ техника. Слѣдовало признать паровозъ годнымъ. Но какъ же можно было обойтись безъ замѣчанія? Вотъ Халютинъ и нашелъ выходъ; онъ собственноручно записалъ въ актъ, что нашелъ паровозъ не покрытымъ брезентомъ, такъ что онъ легко могъ подвергнуться порчѣ отъ голубей. Каково было общее изумленіе, тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ мірѣ паровозы не покрываются брезентомъ во избѣжаніе порчи лаковой краски, которою онъ выкрашенъ. Изъ его проектовъ мнѣ и до сихъ поръ памятны два. Одинъ гласилъ, что необходимо отмѣнить выдачу преміи за сбереженіе топлива и смазки паровозной прислугѣ, такъ какъ машинисты, ихъ помощники и кочегары получаютъ жалованье и поверстныя деньги и, слѣдовательно, обязаны по долгу службы бережно относиться къ расходному матеріалу. Никакіе доводы не могли подѣйствовать на настойчиваго автора проекта. Даже столь вѣскій аргументъ, какъ приобрѣтеніе казной за двухрублевую премію пуда матеріала, стоящаго восемь рублей, и это оказалось неубѣдительно. Но въ концѣ его проектовъ служило предложеніе объ уничтоженіи большихъ мастерскихъ на желѣзныхъ дорогахъ, такъ какъ всякій ремонтъ могъ-де производиться въ оборотныхъ депо, а постройку подвижного состава предлагалось отдавать за границу, гдѣ, молъ, всѣ техническія условія лучше (!) Возражали ему на разные лады: доказывали, что слѣдуетъ развивать отечественную промышленность и производства; что всякій хорошій хозяинъ стремится сварить щи дома, а не бѣжать къ сосѣду,—ничего не помогало: онъ упорно стоялъ на своемъ. Нечего и говорить, что всѣ его проекты блистательно проваливались въ Петербургѣ. Иногда страсть къ проектамъ періодически замѣнялась страстью къ авторству, и вотъ на свѣтъ появлялись произведенія, свидѣтельствовавшія объ энциклопедической эрудиціи автора. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ книжный рынокъ былъ обогащенъ: «Іоганъ-Себастіанъ Вахъ и его значеніе въ музыкѣ» и «Письма французскаго офицера о Севастопольской кампаніи». Эти двѣ довольно объемистыя книги по отпечатаніи и раздачѣ знакомымъ долгое время лежали кучей въ кабинетѣ его превосходительства. О продажѣ ихъ что-то слышно не было, хотя онѣ и рекламировались въ витринахъ книжныхъ магазиновъ.

Нерѣдко можно было видѣть главнаго контролера, вымѣряющаго аршиномъ правильность показаній числа саженъ водосточныхъ

трубъ при ремонтѣ зданій, въ такой степени онъ размѣнялъ свою задачу на мелочи.

Вообще это былъ чиновникъ контроля стараго режима, педантичный до мелочей, почему отъ него ускользали вопросы серьезные. Теперь, благодаря новымъ вѣяніямъ, этотъ типъ является архаизмомъ, и, если существуетъ, то какъ пережитокъ, дослуживающій пенсію.

XIV.

У Т. И. Филиппова.

Во время службы моей въ Минскѣ меня постигло несчастье, вынуждавшее настоятельную необходимость перевода въ Петербургъ. Взявъ отпускъ, я прибылъ въ столицу и въ первую же среду, въ десятомъ часу утра, ожидалъ своей очереди въ пріемной государственнаго контролера Тертія Ивановича Филиппова, нынѣ уже покойнаго. Въ пріемной этой, кромѣ секретаря его, князя Гагарина, и меня, не было ни одного чиновника нашего вѣдомства; преобладали дамы, желавшія получить мѣсто, нѣсколько черногорцевъ въ національных костюмахъ и нѣсколько священниковъ. Но вотъ настала моя очередь; пройдя черезъ двойную дубовую дверь, предупредительно отворяемую почтеннымъ, увѣшаннымъ медалями курьеромъ, я проникъ во внушительный кабинетъ сановника. На первомъ планѣ громадный письменный столъ съ письменнымъ же приборомъ слоновой кости, рѣзко выдѣлявшимся на синемъ фонѣ сукна. Массивные бронзовые подсвѣчники съ синимъ абажуромъ; на лѣвой сторонѣ стола серебряный бюваръ съ инициалами владѣльца и какими-то выравнованными датами.

За столомъ, по срединѣ котораго поставлена конторка, сидитъ въ креслахъ плотный сѣдой старикъ съ бородкой лопаточкой, полстриженной по-русски. Сквозь стекла золотыхъ очковъ видны добрые глаза, когда-то блестяшіе мыслью, теперь уже угасшею.

Подойдя къ столу, я отдалъ почтительный поклонъ.

— Чиновникъ государственнаго контроля?—послышался пріятный, хотя старческій баритонъ.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство. Помощникъ контролера Либаво-Роменскаго контроля Миллеръ.

— А, да. То-то вы въ вицъ-мундирѣ нашего вѣдомства,—догадался чиновникъ.—Прекрасно. Въ чемъ же дѣло? О чемъ именно вы просите?

— Тяжелая болѣзнь струшки-матери, у которой я одинъ сынъ, вынуждаетъ меня просить о переводѣ въ Петербургъ. Старушка ослѣпла, ваше высокопревосходительство, и не можетъ обойтись безъ присмотра моего или жены моей.

— Да, да. Теперь я припоминаю, что получилъ по этому поводу письмо отъ принцессы. Да, вотъ оно, — вынулъ онъ изъ бювара письмо. — Такъ вы хотите въ Петербургъ?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, въ Петербургъ.

— Я думаю о вашемъ дѣлѣ, — произнесъ сановникъ и замолчалъ. Прошло минуты три-четыре.

— Скажите, — очнулся онъ. — Съ вами это давно? Вы, однако, обращались къ врачамъ? Вѣдь есть прекрасные профессора по этой части. А то гомеопатія!?

— Я возилъ матушку къ профессору Тихомирову; онъ нашелъ ея положеніе безнадежнымъ. Преклонный возрастъ...

— Да, впрочемъ, что же это я?! Вѣдь это ваша матушка ослѣбла, а не вы, — добродушно засмѣялся онъ: — а вы хотите, чтобы я перевелъ васъ сюда. Такъ, такъ. Это мой христіанскій долгъ. Нашъ великій Учитель сказалъ: «Блаженни милостивіи, яко тѣи помиловани budú». Такъ вѣдь?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство.

— Но куда же? Вѣдь нѣтъ вакансій. Можетъ быть, вы знаете, гдѣ есть вакансія?

— Позвольте доложить, что вакансія есть въ балтійскомъ контролѣ.

— А! Въ балтійскомъ... Но вы мнѣ, пожалуйста, не указывайте, — неожиданно вспыхнулъ онъ.

— Я никогда не осмѣлился бы, если бѣ ваше высокопревосходительство не извоили приказать доложить, гдѣ есть вакансія — оправдывался я.

— Да, да, вы правы. Я самъ спросилъ васъ. Ну, тогда вотъ что: идите теперь къ директору канцеляріи и скажите ему, то есть передайте ему сущность, одну сущность нашей бесѣды, и добавьте, что я согласенъ на переводъ вашъ. Только вы не позабудьте непременно добавить.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство. Не позабуду. Но осмѣлюсь доложить: теперь десять часовъ утра; еще директора въ канцеляріи нѣтъ.

— Да, вы опять правы. Впрочемъ, въ чемъ это вы были правы? Да. Эти всѣ генералы очень поздно, въ два часа, ходятъ на службу. Это только мы съ вами, труженики, вотъ съ десяти часовъ... Какъ же быть-то? Я непременно забуду.

— Не будете ли милостивы, ваше высокопревосходительство, положить на этомъ письмѣ резолюцію. Я передалъ бы письмо директору канцеляріи.

— Какая мысль! Какая блестящая мысль! — восхищался сановникъ. Впрочемъ, нѣтъ. Письмо адресовано лично ко мнѣ?

— Лично къ вамъ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, вотъ, видите. Неудобно. Многоуважаемый Тертій Ивановичъ, и вдругъ резолюція, канцелярія... Надо подумать о вашемъ дѣлѣ.

Послѣ нѣкотораго размышленія онъ продолжалъ:

— Лучше сдѣлаемъ такъ. Вы вѣдь черезъ пріемную?

— Черезъ пріемную.

— Ну, вотъ, пойдете назадъ, увидите тамъ старичка—князя Гагарина. То есть онъ не такъ еще старъ, но сѣдой. Вы ему скажите, чего вы хотите и чтобы онъ напомнилъ мнѣ послѣ пріема. Кстати, чего же именно вы хотите?

— Я ходатайствую о переводѣ моемъ на службу въ Петербургъ...

— Нынче всѣ хотятъ въ Петербургъ, — перебилъ меня сановникъ. — Это какая-то манія... Но вѣдь у васъ есть же причина, такъ сказать, законный поводъ къ исполненію вашего желанія?

— Тяжелая болѣзнь матери, у которой я одинъ сынъ, ваше высокопревосходительство...

— Ну, вотъ, видите. Конечно, это вполне законно. Да. Это надо будетъ устроить.

— Благодарю васъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ, такъ, вотъ и письмо, — припомнилъ онъ. — Теперь все ясно. Но вотъ директора канцеляріи нѣтъ. Надо составить журналъ—я подпишу. Пусть князь Гагаринъ... А что, въ пріемной много просителей?

— Человѣкъ тридцать.

— Ой, какъ много! Повѣрите, это каждый пріемъ: и все больше черногорцы, попы и женщины. Чиновниковъ мало. Тяжело, очень тяжело: владыка-митрополитъ всѣхъ своихъ поповъ мнѣ посылаетъ.

Сановникъ вздохнулъ.

Нѣсколько времени длилось молчаніе. Затѣмъ тихимъ, пріятнымъ, старческимъ баритономъ сановникъ запѣлъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ».

Признаюсь откровенно: я просто замеръ.

— До свиданія, — прервалъ онъ себя, подавая мнѣ руку. — Очень радъ. Когда устроитесь, зайдите, подѣлитесь. Дай же Богъ вамъ устроиться по сердцу: бракъ великое дѣло.

Я уже было взялся за ручку массивной дубовой двери, какъ онъ меня остановилъ:

— Послушайте, однакожъ! Какъ ваша фамилія? Вѣдь надо же знать!

— Миллеръ, ваше высокопревосходительство; вотъ обо мнѣ письмо; тутъ все изложено, — отвѣчалъ я.

— Дѣйствительно такъ. Вотъ и письмо. Мы сдѣлаемъ, что можно; надо эту просьбу уважить. Храни васъ Господь.

Въ пріемной я передалъ князю Гагарину приказаніе Тертія Иванова.

— Это совершенно безнадежно,—отвѣчалъ онъ.—Лучше идите къ А. П. Иващенкоу, но не говорите ему, что были у патрона: обидится.

Удрученный, ушелъ я изъ пріемной.

Вскорѣ печальное извѣстіе о кончинѣ когда-то блестящаго знатока русской литературы, извѣстнаго стилиста, эпитрона гроба Господня Т. И. Филиппова огорчило всѣхъ знавшихъ его.

Георгій Миллеръ.

